

Барбара Мертц
Красная земля, Черная земля.
Древний Египет: легенды и факты

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607265

Красная земля, Черная земля. Древний Египет: легенды и факты: Центрполиграф; Москва; 2004
ISBN 5-9524-0198-8

Аннотация

В книге известной американской исследовательницы Барбары Мертц развенчиваются некоторые легенды Древнего Египта, но реальные факты оказываются гораздо интереснее вымысла. Вы узнаете все о жизни древних египтян, их философии, науках, отношении к жизни и смерти, о памятниках культуры, архитектуры и письменности. Живой и яркий язык повествования окунет вас в глубины древнейшего очага цивилизации и даст почувствовать загадочную атмосферу далекого прошлого.

Содержание

Предисловие	4
Исторический обзор	8
Часть первая	10
Глава 1	11
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	44
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Барбара Мертц

Красная земля, Черная земля.

Древний Египет: легенды и факты

Посвящается моей матери и моему отцу

Предисловие

Эта книга посвящена не культуре Древнего Египта, она – о древних египтянах. Ее можно было даже назвать «Как бы ты жил, если бы был древним египтянином», поскольку, внимательно изучая эту книгу, читатель может освоить искусство изготовления папирусов, узнать технику строительства пирамид, научиться одеваться, есть и накрывать стол так, как это делали египтяне. Предмет нашего исследования – люди Древнего Египта, редкие имена которых сохранила для нас история. Но хотя от большинства египтян не осталось даже имени, я предприняла попытку представить их живыми людьми – а не объектом обезличивающей статистики и не лишенным каких-либо человеческих качеств «народонаселением», столь часто фигурирующим в академических трудах по египетской литературе. В этой книге читатель не найдет ни одной главы, посвященной египетской литературе, – хотя ему и будет рассказано о многих литературных работах. Не обнаружит он и главы об архитектуре – хотя ему и встретится немало описаний зданий, храмов и гробниц. Однако в книге есть очень большая глава о египетской религии. Глава о нарядах почти столь же длинна, хотя в ней речь идет о куда менее важном предмете, чем теология. Однако я подозреваю, что состоятельная египетская дама, как и ее далекие потомки в других столетиях, порой тратили на размышления об одежде не меньше времени, чем на мысли о боге.

В другой своей книге я принесла извинения читателям, которые могли счесть мое описание жизни в Древнем Египте чересчур легковесным и даже вольным – но, должна заметить, я не считаю, что должна извиняться. Представление о египетской цивилизации как о чем-то очень благородном и аскетически суровом совершенно неверно. Такое представление создают огромные храмы, вызывающие суеверный страх мумии, обвалившиеся и разрушенные гробницы.

Однако были времена, когда храмы сияли золотом и радовали глаз красками; мумии были живыми мужчинами, женщинами и детьми, которым жизнь доставляла столько радости, что они хотели сделать ее вечной; гробницы являлись «домами вечности», заполненными «всеми хорошими и простыми вещами» для того, чтобы их обитатель мог с удовольствием пользоваться ими и в той жизни, что длится вечно. Мы ничем не оскорбим египтян и нисколько не исказим их взгляды, если упомянем в книге, что они сочиняли о своих богах непристойные истории, мертвецки напивались, писали стихи своим возлюбленным и строго выговаривали своим напроказившим детям. Если мы немного посмеемся над ними, это нисколько им не повредит. А нам поможет – если мы поймем, что смеемся над самими собой.

Я хотела бы выразить свою признательность моим помощникам; прежде всего я хотела бы поблагодарить две группы египетских художников, выполнивших большую часть иллюстраций этой книги, – а также группу археологов, философов и историков, которые оказали большое влияние на мое понимание Древнего Египта. Работа на подобную тему неизбежно требует знаний из самых разных областей; получением этих знаний мы обязаны самоотвер-

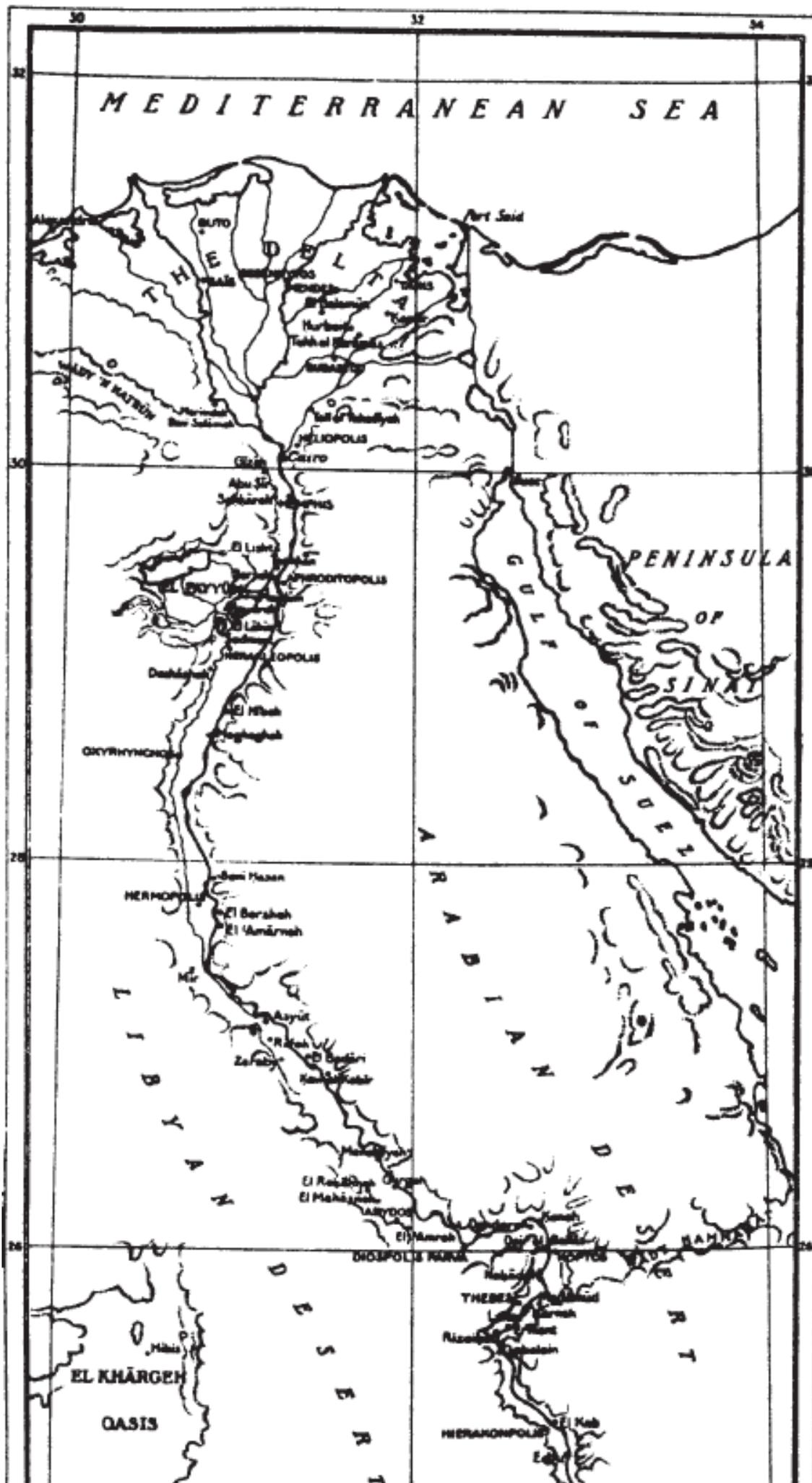
женному труду сотен ученых. Я упомянула в тексте этой книги многие из их имен, но просто невозможно упомянуть их все, а моя признательность этим людям – англичанам, итальянцам, французам, немцам и американцам – просто не знает границ.

Особенную признательность я хотела бы выразить консультировавшим меня по поводу некоторых специальных антропологических проблем профессорам Солу Тэксу и Карлетону Куну; профессору Уолтеру Б. Эмери, дававшему мне разъяснения по истории Древнего Востока и предоставившему собственные фотографии; профессору Отто Нойгебауэру, дававшему ответы на мои вопросы о математике в Древнем Египте. Нет нужды говорить, что эти джентльмены не несут никакой ответственности за ту интерпретацию фактов, что дается на страницах моей книги. Они делали все, что было в их силах, чтобы меня просветить, и если это им не удалось, то виновата в этом только я одна.

Я также благодарна руководству Американской академии Немецкого археологического института в Риме за разрешение пользоваться их библиотекой. Различные музеи любезно предоставили мне фотографии из их собраний. Я хотела бы выразить свою признательность еще очень многим – но особенно горячую благодарность я хочу адресовать г-ну А.Ф. Шору из египетского отдела Британского музея – за то время, что он потратил, подбирая подходящие для данной книги фотографии.

Выражение признательности было бы неполным без упоминания вклада, сделанного моим мужем и моими детьми. Без их терпения и сотрудничества эта книга никогда бы не была написана.

Барбара Мертц

Карта Египта и Нубии до второго порога
Из «Скипетра Египта» У.С. Хэйса

Исторический обзор

С неизвестного времени до 3200 до н. э. – додинастический период

3200–2620 до н. э. Архаический, протодинастический или ранний династический период. Династии I–III

Объединение двух додинастических царств Менесом. Джосер, Имхотеп и «Ступенчатая пирамида».

2620–2280. Древнее царство. Династии IV–VI

Первый расцвет египетской культуры (искусство, архитектура, технология и теоретическая мысль). Появление художественных канонов. Большая пирамида. Тексты пирамид. Централизация государства при Четвертой династии и распад государства в конце Шестой династии.

2280–2134. Первый промежуточный период. Династии VII–X

Политический переворот, распад централизованного государства. В литературе идет поиск эстетических ценностей. Девятая, Десятая династии с правителями в Гераклеополисе контролируют большие территории, но с ростом влияния Фив входят с ними в конфликт.

2134–1786. Среднее царство. Династии XI–XII

Одиннадцатая династия с правителями из Фив вновь объединяет Египет. Храм Ментухотепа в Дейр-эль-Бахри. Правители из Двенадцатой династии – Аменемхеты и Сенусерты – переносят столицу в Файюм. Завоевание Нубии, большие работы по ирригации, контакты с Азией.

1786–1575. Второй промежуточный период. Династии XIII–XVII

Политический коллапс, раздробление государства. Несколько династий существует одновременно; это сопровождается вторжением гиксосов из Азии, которые устанавливают контроль над большей частью Египта. Освоение новых видов оружия, в том числе – боевой колесницы. Семнадцатая династия, с правителями из Фив, при фараонах Секененра и Камесе начинает изгонять гиксосов.

1575–1087. Новое царство, империя. Династии XVIII–XX

Яхмес завершает разгром гиксосов. Тутмосы и Аменхотепы завоевывают земли в Азии. Узурпация трона царицей Хатшепсут и триумф ее племянника Тутмоса III. Возвышение Амона, религиозная революция Эхнатона. Тутанхамон. Падение династии с потерей азиатских владений.

Сети и Рамсесы из Девятнадцатой династии возвращают часть азиатских владений. Большие строительные работы в Абидосе, Фивах, Абу-Симбеле и т. д. Перенос столицы на север. Первое вторжение «народов моря». Конец династии на царице Таусерт, недолговечные слабые правители.

Рамсес III из Двадцатой династии отражает вторжение «народов моря», разворачивает большое строительство. Правление слабых потомков Рамсеса завершается переходом к власти к Херихору, военачальнику, первосвященнику Амона в Фивах.

1087–332. Поздний период. Династии XXI–XXX

Двоевластие во время Двадцать первой династии: один царь – первосвященник Амона в Фивах, другой – Таниса в Дельте. Ливийские владыки основывают Двадцать первую династию, нубийские – Двадцать пятую. Шешонк из нубийской династии ведет сражения в Азии, его наследники уступают Египет ассирийцам. Во время Двадцать шестой – или Саисской – династии египетские владыки восстанавливают кое-что из былой славы; временное объединение страны, расцвет искусства. Персидское завоевание в 525 г. до н. э. Чередующиеся периоды свободы под властью местных царей и господства персов.

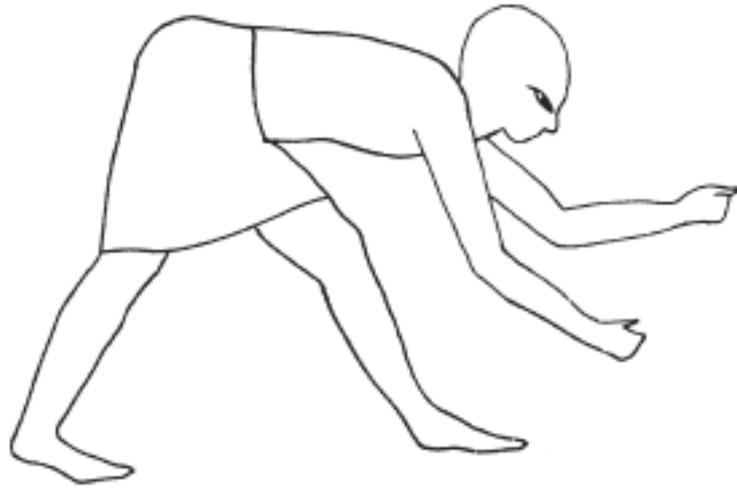
332—30. Птолемеи

Завоевание Александром Македонским в 332 г. до н. э. лишает Египет независимости навсегда. Наследники Александра, потомки его полководца Птолемея, являются греками по происхождению, но стремятся сохранить египетский стиль правления. Клеопатра, Антоний, Цезарь завершают этот период.

30 до н. э. – 364 н. э. Римский период

При Августе Египет становится римской провинцией. Около 200 г. н. э. в Египет проникает христианство. В 230–350 гг. распространяется коптский язык. Примерно к 270 г. н. э. относится первое упоминание о святом Августине, первом знаменитом отшельнике. Христианство становится официальной религией Египта – до арабского завоевания в 640 г. н. э.

Часть первая МИР ЖИВЫХ

Глава 1 Народ двух земель

Везир

Она может уплыть – та, что вступает во тьму.
Она входит крадучись.
Нос у нее позади – лицо повернула назад.
Неудача ей в том, зачем она пришла!

Ты пришла поцеловать этого ребенка?
Я не дам тебе его поцеловать!

Ты пришла изувечить его?
Я не позволю тебе изувечить его!

Ты пришла забрать его?
Я не позволю отобрать его у меня!

Стоя на коленях на голом земляном полу, женщина напевала чуть слышно, чтобы не разбудить спящего у нее на руках малыша. Единственная комната хижины была погружена во мрак, только один уголок освещали тлеющие в жаровне угли. Вспыхнувшее внезапно пламя на миг осветило согнутую фигурку, длинные, черные как смоль волосы женщины и обращенные к двери темные глаза. Эти глаза были одновременно полны и страха и вызова. Хижина изнутри закрыта на засов, но женщина чувствовала, как тьма давит на дверь. Из

этой тьмы та, что «лицо повернула назад», может ворваться в комнату и украсть дыхание у спящего ребенка.

Я вижу эту картину, читая строки песни, записанные несколько тысяч лет назад на древнеегипетском языке. Ночная ведьма, о которой пела женщина, – самый страшный персонаж в фольклоре любого народа – с головой, которая свободно вращается на шее, существо бесформенное, на что указывает слово «уплыть». Подобно древней шотландской молитве против призраков, вурдалаков и демонов, поражающих в ночи, слова египетской песни заключают в себе намек на дьявольскую опасность, тем более ужасающую, что она не имеет внешнего облика.

Есть и еще одна схожая черта у шотландской молитвы и египетской песни. В наши дни мы эту молитву вспоминаем, когда хотим пошутить, изобразить мнимый страх; произнося слова, мы оглядываемся через плечо в притворном испуге, а потом смеемся, однако в прошлом эта молитва, как и египетская песня, вовсе не вызывала смех. Создатель молитвы отнюдь не упражнялся в стихосложении; молитва была заклинанием против сил зла. И в шотландской молитве, и в древнеегипетской песне сначала идет описание угрозы, а далее следует заклинание. В египетской песне защита принимала форму усиленного отрицания: «Я не дам тебе его поцеловать!.. Я не позволю тебе изувечить его!» – и сопровождалась перечнем магических растений, который я не привела. В шотландской молитве призыв к охранительным силам короче: «Боже, защити нас!»

Я не буду проводить сравнение дальше, это не имеет особого значения – я хотела лишь показать, что во все времена и во всех странах люди испытывали и испытывают страх перед темнотой и тем, что может из нее явиться. Египетская песня трогает тем, что она создана в защиту ребенка. Любой человек более всего уязвим перед Судьбой именно беззащитностью своих детей. Беспомощен младенец, когда он нагим и кричащим приходит в наш мир, во многом ему враждебный. Наша книга посвящена повседневному существованию древних египтян, и разумнее всего начать повествование именно с начала жизни – то есть с момента рождения. Мы произнесли необходимое заклинание и теперь перейдем к появлению нашего вымышленного героя на свет.

1. ДЕТОРОЖДЕНИЕ

Когда-то давным-давно жила в Египте женщина, которая привлекла внимание не кого-либо иного, а великого бога солнца Ра. Возможно, это внимание было вызвано не столько чарами самой женщины, сколько желанием Ра иметь потомка, которому он мог бы доверить трон правителя египетских земель. Эта женщина была женой скромного жреца бога Ра по имени Раусер. Ее же звали Редджетет, и вот:

«Однажды Редджетет почувствовала родовые схватки, и муки ее были сильны. И потому великий Ра сказал Исиде, Нефтиде, Месхенет, Хекет и Хнуму: «Идите и освободите Редджетет от тех трех детей, что находятся в ее утробе и что будут править по всей земле».

Знающий историю Древнего Египта читатель сразу узнает в Исиде и Нефтиде двух великих богинь египетского пантеона; первая была женой, а вторая – сестрой Осириса. Месхенет тоже была богиней, она покровительствовала деторождению – что было для этого случая очень кстати. Хнум, единственный среди упомянутых бог-мужчина, также имел отношение к деторождению. Хнум был гончаром, он лепил из глины тела рождающихся младенцев на своем божественном гончарном круге. Хекет же каждое утро помогала рождению солнечного бога, так что вполне понятно, почему при появлении на свет детей бога солнца Хекет поручили принимать роды.

Богини переоделись в наряды танцовщиц, а гордому Хнуму пришлось преобразиться в их носильщика. Приняв таким образом облик земных людей, все пятеро направились в

дом жреца. Будущего отца они застали в смятенном состоянии духа, о чем достаточно красноречиво повествует египетский автор: Раусер сидел неподвижно, его одежда была в беспорядке. Дальнейшее вызвало у меня глубочайшую симпатию к этому жрецу. Хотя Раусер отчаянно тревожился за судьбу своей жены, он нашел в себе силы вежливо побеседовать со странствующими танцовщицами: «Как видите, госпожи мои, хозяйка дома рождает, и роды у нее тяжелые».

Танцовщицы взялись за дело. «Позвольте взглянуть на нее. Мы знаем, как облегчить роды».

Будущий отец не мог отказаться от их предложения – взирающий на все это из своей золотой ладьи Ра не допустил бы этого. Однако нам думается, что Раусер согласился по своей воле. В те времена еще не было профессиональных акушеров. В примитивных сообществах, в том числе и в средневековой Европе, роженице, вероятно, помогала другая женщина из того же дома или из той же деревни. Только в случае, если роды были трудными, на помощь призывали местную знахарку. Поэтому даже танцовщица могла утверждать, что мастерски принимает роды, так что согласие мужа вполне объяснимо. В том состоянии, в каком он находился, он принял бы помощь от кого угодно. Так или иначе, но жрец дал пятерым гостям свое разрешение, и они закрылись с роженицей в доме. «Тогда Исида встала перед ней, Нефтида – сзади от нее, а Хекет помогала при рождении». Могут спросить, как она помогала – массажем или магией? Возможно и то и другое, возможно также, что главным в этой помощи были слова Исиды, обращенные к стремящемуся выйти ребенку: «Не будь чересчур силен в ее чреве, хотя твое имя и Усер-каф». Слово «силен» на древнеегипетском языке звучало как «усер», так что слова Исиды содержали связанную с именем ребенка игру слов. В наше время игра слов (каламбур) считается самой примитивной формой юмора – но в тех древних культурах, где слова и обозначаемая ими вещь магически связаны и как бы имеют одинаковую силу, игре слов приписывалось магическое действие. И потому речь Исиды превратилась в повеление, которое исполнилось бы, даже если оно было бы произнесено не богиней.

«Тогда этот ребенок выскользнул ей на руки». Ребенок имел весьма впечатляющий вид: его тело было украшено золотом, а волосы имели цвет лазурита. Рождение царей обычно сопровождалось чудесами и предзнаменованиями, но, возможно, что столь невероятные черты внешности – просто фигуральное выражение: можно и в нашей литературе встретить «жемчужные зубы» или «рубиновые губы». Любящий взгляд матери вполне мог принять смугло-золотистое тельце за отсвечивающее золотом. Лазурит – темно-синий камень; ребенок, по всей видимости, имел темные волосы.

Богиня омыла ребенка, обрезала пуповину и положила новорожденного «на ящик из кирпичей». После этого Месхенет, которая вела себя на удивление безучастно, несмотря на то что в деторождении была главным знатоком, благословила ребенка, а Хнум «дал здоровье его телу». Та же самая процедура была проделана и со вторым, и с третьим ребенком – включая очень важное повеление-каламбур.

Выполнив свою задачу, богини – все еще в облачении танцовщиц – покинули «родильные покои» и увидели, что Раусер все еще продолжает сидеть перед дверью. «Да возрадуется твое сердце, Раусер, – ободрили они жреца, – у тебя родилось трое детей». Он ответил: «Что я могу для вас сделать, женщины? Пусть этот мешок с зерном возьмет ваш носильщик. Примите зерно как плату и прикажите приготовить из него пиво».

Эта история – часть долгой и замысловатой легенды – есть самое подробное из дошедших до наших дней описаний родов в Древнем Египте. Остальные источники содержат очень мало ясных сведений, однако, суммируя их, мы все же можем получить представление о том, как производила на свет ребенка древнеегипетская мать. Она сидела или лежала на сделанном из кирпичей сиденье. Поскольку такие «акушерские кресла» до наших дней не дошли, можно предположить, что их сооружали лишь по мере надобности и разбирали

после использования. Надписи говорят, что роженица находилась «на кирпичах». Из иероглифов мы можем сделать вывод, что положение, в котором проходили роды, напоминает то, в котором роды происходят и в наши дни – знак для обозначения роженицы представляет собой изображение сидящей с поднятыми ногами женщины. Иероглиф «рожать» – рисунок женщины с округлым животом, стоящей на коленях; ниже ее тела видны ручки и головка ребенка. В нашем распоряжении имеется и несколько довольно натуралистических (с эстетической точки зрения) маленьких статуэток, изображающих процесс рождения практически так же, как и иероглиф. Наряду со статуэткой роженицы сохранились фигурки поддерживающих ее спереди и сзади женщин, а также стоящей перед ней восприемницы, готовой взять ребенка на руки.

И это – практически все, что нам осталось. Один из потенциальных источников информации по этому предмету – медицинские папирусы, – хоть и содержат кое-какие сведения по гинекологии, ни слова не говорят о родах и технике акушерства.

Кажется поразительным, что древние египтяне, сообщив нам множество подробностей о своей жизни – вплоть до самого смертного часа, оставили так мало сведений об этих двух весьма важных предметах. Впрочем, кажущееся обилие материалов на самом деле иллюзорно – их много только по сравнению с тем, что сохранилось от других догреческих культур. Только вдумайтесь в такой факт: любой египтолог вполне способен, занимаясь исследованиями, изучить все до единого документы в своей области, все первоисточники – и при этом у него еще останется время изучить труды других египтологов и написать один-два собственных труда. Исследующий же историю своей страны ученый не в состоянии сделать что-либо подобное даже при изучении периода в тридцать лет – не то что в три тысячи. Он не сможет даже ознакомиться со всеми первоисточниками: повестями и рассказами как известных писателей, так и второстепенных, с посмертными завещаниями, с отчетами с заседаний судов, с юридическими документами, личными и деловыми письмами, с текстами договоров и со сводами законов, с научными трактатами и так далее.

Я пишу об этом не из тайного злорадства по отношению к египтологам, чьи источники столь скудны, а только для того, чтобы выразить сожаление. Книги о Древнем Египте часто вводят читателя в заблуждение, выдавая гипотезы за установленные факты и высказывая предположения столь уверенно, будто они уже доказаны. А между тем предлагаемые гипотезы часто отнюдь не бесспорны – поскольку документов, которые могли бы восстановить истинную картину во всех подробностях, просто не существует. Именно по этой причине в книгах, которым можно доверять, так много оговорок: «возможно», «по всей видимости», «вероятно». Из чисто стилистических соображений ученые избегают писать «может быть», но этими словами можно предварить добрую половину текста любой книги по Древнему Египту, включая и эту.

Сейчас мы не в состоянии уверенно сказать, имеют ли под собой основание легенды о некоей «утраченной науке» об оккультных силах – до нас не дошло ни одного документа об этом. Мы даже не знаем, существовали вообще подобные трактаты или же они за четыре тысячи лет просто не сохранились. Египетская культура была письменной, но она не анализировала самое себя, и не существует общих обзоров. Египтяне были занятым народом: им приходилось засеивать поля, убирать урожай, прокладывая ирригационные каналы; приходилось строить пирамиды, сражаться в битвах, снабжать всем, по их мнению, необходимым гробницы. Египтяне записывали только то, что считали необходимым для себя, а не то, что представляло бы интерес для людей в далеком будущем. Нет ничего удивительного, что мы знаем о деторождении в Древнем Египте столь мало; удивительно, что в наше время мы все же располагаем тем количеством сведений, что у нас имеются.

2. НАРОД В ИСКУССТВЕ

Итак, маленький египтянин появился в нашем мире. Его привычки, верования, манеры мы опишем на последующих страницах. Сейчас же мы ограничимся только одним вопросом – каким был внешний вид этого ребенка?

Но прежде чем описывать египтян такими, какими они нам кажутся, интересно было бы взглянуть на них их собственными глазами. Как они желали бы выглядеть? Каков был их физический идеал?

Представление об этом могут дать картины и скульптуры. Поражает то, что на протяжении столетий египтянами изображаются одни и те же физические типы – приблизительно с трехтысячного года до нашей эры (с возможным отклонением в несколько столетий в ту или другую сторону) вплоть до первого столетия нашей эры. Дамы стройные и столь тоненькие, что в профиль их тела от талии до колена выглядят почти плоскими. Округлые бедра явно не вызывали восхищения; другое дело – хоть и небольшая, но хорошо сформированная грудь. Некоторые мумии старых женщин, лишенных преклонным возрастом своих природных украшений, набивали воском или опилками в грудном отделе, чтобы создать необходимые выпуклости. У одной мумии, описанной Эллиотом Смитом в его классической книге о мумификации, тело престарелой дамы имело совершенно новое очертание, приданное ему при помощи бинтов и смолы в технике, напоминающей папье-маше. Груды были вышпелены¹ великолепно, их венчали медные наконечники. Эта мумия изготовлена просто уникально; восхищенный Смит утверждает, что она напоминает изысканную статую Венеры.

Внешний вид мужчин – от царей до простолюдинов – соответствует и нашему представлению о совершенстве тела: широкие плечи, плоский живот, узкие бедра. Ясно, что те, кто заказывал свою статую скульптору или свое изображение на стенах гробницы художнику, желали видеть свои тела именно такими.

Однако из этого правила было несколько исключений. Большинство из них широко известно, их, безусловно, знает каждый египтолог – именно потому, что они исключительны: старый слепой арфист с покрытым морщинами лицом и опущенными плечами; усталый пастух с обтянутыми кожей ребрами; карлик, гордо восседающий рядом со своей имеющей нормальный рост супругой. Некоторые из этих произведений в самом деле исключительны – тем, что представляют собой выдающиеся образцы художественного мастерства.

Мне особенно по сердцу скульптура, которую мы сейчас называем «Шейх аль-Белед», что означает «староста деревни». Это прозвание имеет собственную, очень любопытную историю.

Статуя была найдена Огюстом Мариетом, одним из крупнейших французских египтологов XIX столетия. Для меня имена Мариета и Масперо неразрывно связаны, словно бекон и яичница: Масперо был основателем Египетской службы древностей, и именно он установил правила, которые дали возможность сохранить большую часть сокровищ Древнего Египта для современных египтян. Мариет был его преемником – как на посту, так и в преданности своему делу. По долгу службы Мариет осуществлял наблюдение за всеми происходящими в Египте археологическими работами, однако иногда он производил и собственные раскопки. Однажды утром его рабочие в страхе разбежались, когда из-под земли показались голова и плечи какой-то статуи. Статую очистили, подняли на поверхность, и дюжина арабских глоток выдохнула в один голос: «Шейх аль-Белед!»

Любой посетитель Каирского музея – его коллекция была создана именно Масперо и Мариетом, – подойдя к этой статуе, легко может понять, почему статуя напомнила рабочим старосту их деревни. Даже мне эта фигура кого-то напоминает. Деревянная статуя в рост человека тщательно пригнана в соединениях. Она изображает мужчину средних лет,

довольно дородного, с круглым лицом, в выражении которого объединились добродушие и твердость характера. Человек стоит в обычной для египетских скульптур позе – одна нога выставлена на шаг вперед. Одна рука свободно опущена, другая согнута и сжимает длинный посох, который придает фигуре особую значительность. Изображенный человек определенно был облечен властью и принадлежал к знатному роду. Его лицо удивительно живо; кажется, что он смотрит на зрителя, но не с обычным слепым выражением статуй, а со спокойным интересом. Выразительность взгляду придало мастерство скульптора. Глазницы обведены медными полосками, а глазные яблоки состоят из кусочков непрозрачного кварца, изображающего белки, горного хрусталя в качестве радужной оболочки и черной смолы на месте зрачков. Статуе предположительно четыре тысячи лет. Она сохранилась благодаря чуду сухого египетского климата. Этот «шейх», чье настоящее имя было Ка-апер, куда шире в талии, чем в плечах; он определенно не может считаться образцом мужской красоты, что не относится к большинству других статуй. Как я говорила, он является исключением, но даже при этом «шейх» красив на свой лад. Он полноват, но не толст. Смотреть на него приятно. Собственно, и прочие исключения, подобные Ка-аперу, тоже нельзя назвать отталкивающими. Я не знаю ни горбунов, ни калек, ни отвратительно толстых старух (знаменитая царица Пунта с ее кошмарной фигурой не была египтянкой; варвары не удостаивались таких почестей, как жители великой египетской земли). Создается впечатление, что никто в Египте не имел ни бородавок на носу, ни сколиоза, ни кривых зубов.

Царица Пунта

С изображения в погребальном храме Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри

Ученые, исследовавшие египетское искусство, объяснили причину подобного постоянства художественных канонов. Оно основывалось на массовом сознании египтян, обращенном ко всей вселенной, а также самим предназначением искусства, которое выполняло в большей мере магические, нежели эстетические функции. Об этом мы еще поговорим позже. Однако я не без веселого ехидства подозреваю, что какой-нибудь египетский купец приходил в мастерскую скульптора не только с целью иметь свое точное посмертное изображение. Зачем оставлять навечно двойной подбородок и основательный животик, если ваятель вполне способен создать посмертный образ, подобный Аполлону?

Разумеется, нам не следует воспринимать изображения египтян как буквально точные. Не существовало в любые времена народа без увечных и уродов – и даже просто некрасивых людей. И тем не менее некоторые египтологи, ребята доверчивые, принимают любое изображение за истинное.

3. ПРОБЛЕМА С ЦАРИЦЕЙ ТИ

История человечества вовсе не набор твердо установленных фактов; она, по сути, свод мнений и теорий, порой имеющих серьезное обоснование, а порой представляющих собой лишь более или менее вероятные домыслы. Если пишущий книгу историк не ограничивает себя определенным промежутком времени, он не сможет объяснить все свидетельства, правильно оценить все факты и дать все возможные объяснения каждому из обсуждаемых вопросов. Обычно этих вопросов так много, а свидетельства столь немногочисленны и скупы! Тем не менее из этих скурых свидетельств исследователи пытаются воссоздать подлинную картину – и порой наблюдать за этим весьма интересно.

Мы уже сделали одну подобную попытку, пытаюсь представить себе внешний облик древних египтян. Но этот вопрос не принадлежит к числу важнейших с точки зрения истории человеческой культуры; нельзя его назвать и очень сложным. Либо вы знаете, как люди выглядели, либо нет. Либо в вашем распоряжении есть мумии и скелеты, либо их нет. Либо эти люди рисовали собственные изображения, либо нет.

Нарисованные египтянами изображения помогают представить людей Древнего Египта. Но все же эти свидетельства не относятся к числу самых надежных. Наиболее объективными и убедительными свидетельствами следует считать скелеты, по ним можно определить рост, комплекцию, пол и возраст. Мумия представляет нам еще больше данных – цвет и структуру волос, цвет кожи, вес тела. Однако даже эти факты можно трактовать по-разному. Почитайте отчет о научной дискуссии по поводу предполагаемого скелета Эхнатона – и у вас возникнет сомнение, об одном ли и том же скелете ведут речь ученые мужи.

Что касается свидетельств в виде изображений и статуй, то они часто крайне субъективны. Египтяне не стремились изобразить истинный облик. Тем не менее археологи – часто весьма хорошие – нередко ошибочно обсуждают египтян не такими, какими они были в реальности, а какими они предстают в статуях и рисованных изображениях. Недавно я была просто потрясена двумя посвященными Древнему Египту популярными книгами, в которых речь идет о царице Ти – простолюдинке, ставшей женой царя и матерью еретика Эхнатона. В одной книге она описана как голубоглазая и светловолосая, в другой – как негритянка.

Строго говоря, особой роли не играет, была ли царица Ти блондинкой, брюнеткой или кожу ее покрывал узор в пурпурный горошек, но все же подобные разночтения весьма неприятны. Авторы изображали Ти, не руководствуясь полетом собственной фантазии, а на основании трудов профессиональных египтологов. Как же они могли так разойтись в описаниях?

Ответ очевиден: ученые мужи делали свои выводы на основе сохранившихся изображений. Начнем со светловолосых цариц Египта. Насколько я знаю, в Египте никогда не было светловолосых цариц. Знаменитая дама из Четвертой династии, которую считали светловолосой или рыжеволосой, просто изображалась с желтым платком на голове. Больше подобных описаний в египетской истории не встречается.

Скорее всего, легенда о светловолосой царице родилась как версия. Красивые теории нередко довольно живучи. Большинство же египтологов считает, что царица Ти происходила из Нубии. Это значит, что голубых глаз у нее быть не могло. Думаю, я даже знаю причину возникновения версии о происхождении царицы – эта причина проста и довольно любопытна.

В Берлинском музее находится знаменитая голова, которую считают скульптурным портретом царицы Ти. Это замечательное произведение искусства, превосходный «портрет», который передает не только внешний облик, но и черты характера. Тот человек, которого изобразил скульптор, не относится к числу людей, с которыми вы захотели бы жить постоянно; не захотели бы вы, чтобы он оказался и среди ваших врагов. Возможно, это впечатление несправедливо по отношению к давно скончавшейся царице, но от навеваемых скульптурой чувств тоже нельзя отмахнуться. Из-за того, что портрет выполнен мастерски и остается в памяти, впечатление от него сильное и долгое. Голова царицы вырезана из черного дерева.

Наверное, не вполне справедливо обвинять египтологов в том, что они сочли Ти прибывшей из Нубии только на том основании, что величественное, властное лицо скульптуры имеет черную поверхность, но я не могу избавиться от этого подозрения. Естественно, ни один из ученых мужей, делавших подобное заявление, не признается, что именно данное обстоятельство оказало влияние на его мнение. Не согласится он и на то, что черный цвет подтолкнул его к этому заключению на подсознательном уровне. Он наверняка начнет с видом знатока рассуждать о негроидных чертах в изображениях Ти, о видимом положении нубийцев в дворцовой иерархии той поры, о популярности нубийских причесок. Последний аргумент вообще не имеет отношения к делу, даже если он и верен; что же касается негроидных черт головы в Берлинском музее, то это весьма субъективное мнение. Антропологи – специалисты по физическому облику – не обнаруживают черт, характеризующих негроидную расу. В довершение ко всему до нас дошли данные о родителях Ти – объективные и бесспорные. У нас нет мумии царицы, но мы располагаем мумиями обоих ее родителей – Йуйи и Туйи, найденными Теодором Дэвисом в 1905 году.

Теодор Дэвис был американским миллионером, путешественником и исследователем, фанатически увлеченным Древним Египтом. Подобно Карнарвону, но на двадцать лет позже, он отправлялся на раскопки в зимнее время, когда климат в Египте сравнительно мягок. Дэвис заключил соглашение с правительством Египта, согласно которому получил право на исследования в Долине Царей. Без его личного разрешения никто не имел права вести там раскопки. Дэвис финансировал все работы, но найденное им становилось собственностью египетского правительства.

Человеку, не одержимому страстью к египтологии, подобное соглашение покажется выгодным лишь одной стороне. Дэвис охотно это признавал – однако любой человек, испытавший азарт археологических исследований, счел бы, что разрешение правительства Египта было выгоднее именно для Дэвиса. Хотя американец и собрал великолепную коллекцию, уже сам азарт поисков и радость от находок с лихвой окупили все его затраты.

Дэвис, которого даже его друзья называли «грубоватым и эксцентричным», был невероятно удачлив. Конечно, следует помнить, что он занимался раскопками в то время, когда Долина Царей не была еще основательно перекопана, но, даже учитывая это, нельзя не назвать некоторые его находки просто поразительными. Он обнаружил гробницы, принадлежавшие Тутмосу IV, Хатшепсут, Сиптаху (из Двадцатой династии), а также и тайник, содержащий до сих пор вызывающую споры мумию, которую последовательно относили к царице Ти, Эхнатону и Сменхкара. Да, Дэвис имел весьма нелегкий характер, но для египтологов его труд просто не оценим. Исследования велись не только благодаря его деньгам, людьми двигал горячий энтузиазм американца. После смерти Дэвиса его коллекция перешла в музей «Метрополитен», где с ней может ознакомиться широкая публика.

В феврале 1905 года исследовательская группа Дэвиса работала на участке между гробницами Рамсеса III и Рамсеса XI, недалеко от того места, где двадцатью годами позже будут обнаружены сказочные богатства Тутанхамона – другим миллионером-любителем, бывшим помощником Дэвиса Говардом Картером. Дэвис не предполагал, что в этом районе можно

найти царскую гробницу, – места было слишком мало. Но про Долину Царей ничего нельзя сказать наверняка.

5 февраля рабочие Дэвиса обнаружили верхнюю ступеньку гробницы. Дэвис послал за Вейгаллом, инспектором древностей Верхнего Египта; примерно через неделю была расчищена вся лестница, и перед исследователями открылась верхняя часть прохода в гробницу. Здесь восторг исследователей поулег, поскольку печати на двери были сломаны. Кто-то – без сомнения, грабители – здесь уже побывал.

Исследователи вошли внутрь, и здесь их ждал приятный сюрприз. Погребальная камера находилась сразу за дверью; в гробнице не было переходов и дополнительных камер. Первым бросился в глаза деревянный саркофаг, разбитый и без крышки. В саркофаге обнаружили три гроба, вставленные один в другой. Крышки со всех трех гробов были сняты и валялись рядом с саркофагом, словно их бросили в лихорадочной спешке. Мумия лежала в самом маленьком гробу, маска с лица была сорвана.

Мумия принадлежала «пожилому человеку эффектной наружности и царственного достоинства. Его тонкие черты и великолепно сохранившаяся голова вызывали в памяти образ Линкольна».

Так писал обозреватель, вошедший в камеру вместе с Дэвисом. С левой стороны от этого саркофага находился еще один. Его крышка тоже была сброшена; в позолоченном гробу лежала мумия женщины. «Ее лицо было безмятежным и выразительным, глаза широко расставлены, брови низко опущены, рот выглядел на удивление выразительным и чувственным».

Камера была битком набита изумительными вещами. Ларцы и мебель, прекрасно сохранившаяся колесница. На маленьких внутренних гробах сохранились позолота и орнамент из синего фаянса. Грабителям удалось прорыть вход в гробницу, но, по всей видимости, их спугнули до того, как они смогли нанести существенный ущерб. Ценнее всего оказалось то, что надписи на гробах и прочих предметах не были повреждены. Это позволило легко идентифицировать мумии. Они принадлежали Йуйе и Туйе, родителям царицы Ти.

При всем многообразии и красоте найденных в гробнице предметов, для темы нашей книги главный интерес представляют обе мумии. Я видела фотографии этих мумий; приведенное выше их описание достаточно справедливо, особенно если позволить себе некоторый полет фантазии. У меня, должна признаться, фантазии не хватает. Мне трудно, глядя на сморщенное лицо мумии, на твердую коричневую кожу, сжатые губы, впалые щеки, представить, что все это принадлежало первой даме древних Фив. Впрочем, кости головы, так сказать, основа красоты, позволяют все же сделать некоторые выводы. Брови у женщины, судя по всему, были округлыми и высокими, зубы ровными и белыми, лицо имело очаровательный овал. Но созданная в уме картина исчезает при взгляде на отталкивающее лицо мумии.

А вот мумия Йуйи, отца Ти, отталкивающего впечатления не производит. Даже наоборот. Йуйя, при жизни начальник отряда боевых колесниц (отсюда, возможно, колесница в его гробнице), был, по всей видимости, высоким человеком с волевыми чертами лица и сильно выдающимся крючковатым носом. Эллиот Смит, эксперт по мумиям данного периода, исследовав обе мумии, нашел, что череп Йуйи нехарактерен для Древнего Египта. Смит предположил, что Йуйя мог быть семитом. Что касается Туйи, его жены, то, по мнению Смита, она типичная египтянка того времени.

Я не знаю, был Йуйя семитом или нет. Некоторые египтологи считают его таковым – обычно ради того, чтобы подтвердить ту или иную теорию. Нет никаких указаний на то, что этот человек откуда-то переселился в Египет, – за исключением того факта, что его имя писали по-разному. Временами подобные разночтения появлялись, когда египтяне не были уверены, как написать какое-то иностранное имя правильно. Но я не считаю это достаточ-

ным доказательством. Если Йуйя действительно перебрался в Египет из какой-то другой страны, он должен был это сделать в совсем юном возрасте; для того чтобы подняться по бюрократической лестнице столь высоко, требовалось длительное время. Я не могу чем-либо опровергнуть или подтвердить мнение Смита. Во многих вопросах он показал себя выдающимся ученым, но порой чересчур увлекался собственными теориями, а не существует ничего более вредоносного для объективного исследования, чем «любимый конек».

Однако, хотя мы не знаем, был Йуйя семитом или египтянином, одно мы можем утверждать достаточно уверенно – из Нубии он не происходил. А если он не нубиец, а его жена типичная египтянка, нет никаких оснований приписывать нубийское происхождение их дочери.

4. НАРОД В РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

От египтян, какими они не были, перейдем к египтянам реальным. Мы обнаружим, что можем описать общие типы, даже не обращаясь к произведениям искусства. Ростом они были ниже нас: женщины примерно пяти футов, мужчины, как правило, не выше пяти футов пяти дюймов. И снова, как всегда, отметим особые случаи: так, Аменхотеп II был шести футов ростом. Кожа египтян имела коричневый оттенок; об этом может догадаться любой и без мумий, пробыв хотя бы недолгое время под нещадно палящим египетским солнцем. У тех египтян, чьи волосы еще не стали седыми, они обычно имели темный цвет – черный или темно-каштановый; они могли быть и прямыми, и волнистыми. В своей основной массе египтяне были народом некрупным. Описывая женщин, Смит часто упоминает маленькие изящные руки и ступни. Черты лица у большинства правильные, носы узкие, хотя у некоторых мумий можно обнаружить, как я бы назвала, нос «тутмосидов». Подобный нос был у Джорджа Вашингтона.

Антропологи различают два физических типа у населения Древнего Египта. Додинастические египтяне не были такими же, как народ Гизы Третьей и Четвертой династий. Самые ранние египтяне – изящные, невысокие, с маленькими тонкими лицами. Мужчины стройные, поскольку скелеты женщин и мужчин неразличимы – присущих современным мужчинам массивных костей скелета не обнаружено. Единственное исключение – народ Тазы, одной из очень ранних додинастических культур. У этих людей были квадратные головы, более массивные кости, более крепкие скелеты (слово «крепкий» не слишком подходит для описания скелетов, но именно его использовал один из землекопов, отсюда и пошло это определение).

Более позднее население плато Гизы напоминает тип людей из Тазы. Доктор Дерри, один из медиков-специалистов по Древнему Египту, утверждал, что этот тип также напоминает происходивший из Ливии правящий класс Двадцать первой династии.

Я не хочу углубляться в спор о двух различных расах, живших в Египте. Этот спор неразрывно связан с другими проблемами, к примеру, с тем, какая именно «раса» принесла в Египет его классическую культуру. Даже если согласиться, что в Египте жили люди разного физического типа, невозможно определить, какая из двух групп населения имеет исключительное право приписать себе монументальную архитектуру Египта, письменность, сложную социальную организацию. Более древний физический тип – невысокие додинастические египтяне с тонкими костями – могут быть отнесены к смуглому «средиземноморскому типу», к абиссинцам и сомалийцам. Мы можем дать им условное название «хамиты», хотя это слово больше подходит для обозначения группы языков, чем для описания народов (антропологическая терминология вполне может пересматриваться – за время существования антропологии в ней накопилось немало путаницы). Возможно, египтян более позднего времени можно отнести к семитам, имея при этом в виду, что определение «семитский»

прежде всего относится к лингвистике. Лучше всего, однако, просто отметить, что среди египтян было два разных типа, хотя для современного человека они могли бы показаться одинаковыми: коричневая кожа, темные волосы, темные глаза. Ни одна группа людей никогда не была «чистой», если только не находилась в полной изоляции; если бы она стремилась к «чистоте», это бы означало этническое самоубийство из-за кровосмешения. Подобно всем нам, египтяне, по всей вероятности, были полукровками. На севере они могли быть арабами или иметь семитскую кровь; на юге могли быть сильны нубийские элементы.

Поэтому расовая дискриминация становилась нелепостью. Дискриминация, естественно, была, но не на основе цвета кожи. Как греки и многие другие народы, египтяне называли себя «люди». Другие народы не были людьми, но всего лишь варварами. Когда в каком-нибудь тексте упоминается Куш (Нубия), его всегда именуют «жалкий Куш». «Не беспокойся об азиатах, – говорит принц Тринадцатой династии своему сыну. – Они *всего лишь* азиаты». Позднее на смену презрению к иноземцам пришел горький опыт. Некоторые из «всего лишь» азиатов вторглись в Египет и завоевали его; позднее им на смену пришел и некогда тихий, «жалкий» Куш. Потом настал черед греков, персов и римлян. Однако завоевания и оккупации не поколебали веру египтян в собственное превосходство. В этом они были ничем не хуже и не лучше нас; нам еще предстоит пройти долгий путь, пока мы обретем способность понимать, что величие принадлежит не нации, что его может заслужить лишь отдельный человек и что все люди – братья в своих слабостях и брэнности, как и во многом другом.

Глава 2 Красная и Черная земля

Символы Верхнего и Нижнего Египта

1. ДВЕ СТРАНЫ

Мир, в котором появился наш египетский малыш, быт довольно узок, особенно в физическом смысле – долина Нила имеет протяженность примерно шестьсот миль в длину и только десять миль в ширину. Во времена фараонов Египет состоял из долины Нила и треугольной дельты, где река разбивалась на несколько рукавов, впадающих в Средиземное море. Эти две части Египта отличались по своей физической географии, и потому египтяне всегда делили свою страну на два отличных друг от друга района. До Первой династии, когда Египет вступил на историческую сцену в качестве единого государства с единым царем, Дельта и Долина, по всей видимости, были отдельными царствами. Поскольку до нас не дошло письменных свидетельств той эпохи, о существовании додинастических царств мы можем догадываться лишь по косвенным источникам, причем эти сведения носят крайне отрывочный характер.

Цари Египта носили на голове две короны – в буквальном смысле слова. «Двойная корона» состояла из короны Верхнего Египта и короны Нижнего Египта. На двойственный характер этой монархии указывают и другие детали: две богини, Нехбет на юге и Буто на севере, охраняли царя; его титул включал слова «Царь Верхнего и Нижнего Египта» и «Владыка Двух Земель». Мы можем продолжать, но этих свидетельств вполне достаточно, чтобы с уверенностью утверждать, что когда-то наряду с топографическим существовало и политическое разделение между Верхним и Нижним Египтом.

Египтяне называли свою землю «Две страны». Государство делилось на Верхний Египет и Нижний Египет, что в грубом приближении соответствовало Долине и Дельте (Нил нес свои воды с юга на север, так что Верхний Египет на современной карте находится ниже Нижнего Египта). Иногда в книгах встречается выражение «Средний Египет» по отношению к району между Кипром и Ассиутом, но такое разделение на три части возникло лишь недавно. По всей видимости, древние египтяне любили контрасты, они резко отделяли Верхний Египет от Нижнего, а Красную землю от Черной земли.

«Черной землей» был собственно Египет, и любой, кто посещал долину Нила, легко поймет, почему египтяне выбрали именно такое название – по сравнению с Красной землей пустыни. По обоим берегам Нила тянется полоса плодородной черной почвы, ежегодно удобряемой разливами реки. Черная земля кончается внезапно, словно палец божества провел границу, повелевая: на этой стороне – жизнь, зелень растущих хлебов; на другой стороне

– смерть и бесплодие безжизненных песков. Бесплодные земли окружают долину на западе, востоке и севере и переходят в две огромные пустыни – Ливийскую и Аравийскую.

Египтяне ненавидели пустыню. Там обитали только жалкие бедуины, не знающие богов кочевники; любой попавший в пустыню видел лишь нестерпимую жару, голод и жажду. Тем не менее без Красной земли Египет не был бы Египтом, каким мы его знаем. Именно на бесплодных плато Красной земли египтяне добывали золото, из которого изготавливали предметы, вызывавшие зависть у владык других держав Ближнего Востока, и которое давало власть, приносимую богатством. В пустыне и на Синайском полуострове египтяне добывали медь – сырье для инструментов, нужных при строительстве пирамид, и для оружия – при его помощи были завоеваны Нубия и восточные соседи Египта. В песках, раскинувшихся за окаймляющими Черную землю скалами, египтяне построили храмы и гробницы, сохранившиеся до наших дней, чтобы поведать нам о великолепии и величии Египта. Плодородная черная почва, столь любимая египтянами, давала вещи недолговременные, а пустыня сохранила даже такие недолговечные предметы, как ткани и папирусы – и даже человеческую плоть. Древний Египет был продуктом как Черной земли, так и Красной земли, хотя народ Египта называл себя «кемит», то есть «черные».

Район Дельты полностью относился к Черной земле – плоской, покрытой зеленью и часто болотистой. А это значит, что мы можем узнать об этом районе намного меньше, чем о районе Долины. Подавляющее большинство предметов, выставленных в музеях, было обнаружено в Верхнем Египте; Дельта же представляет собой «белое пятно» в наших знаниях о египетской культуре, и «пятно» это требует, чтобы его заполнили, особенно сейчас, когда новая плотина поднимает уровень воды над древними городами Дельты, делая их недоступными для раскопок.

Многие из этих городов во времена фараонов играли очень важную роль. В западной части Дельты находилась древняя столица Буто, «место трона». Столица располагалась среди топей, и ее богиня, кобра, позднее стала одной из двух защитных сил, охранявших царя. К югу от Буто находился Саис с его священным озером, обителью богини Нейт. Дальше на восток, почти в центре Дельты, располагался Бусирис, где Осирис жил до того, как перебрался в Абидос в Верхнем Египте. Расположенный на юго-востоке от Бусириса Бубастис должен представлять интерес для всех любителей кошек, поскольку именно здесь находилось место поклонения Баст – богине с головой кошки. К северо-востоку от Бубастиса лежал Мендес, где почитали священного барана, а прямо на востоке от этого города располагался Танис, на равнине южнее озера Мензала. Этот город не был столь древним, как Саис или Буто, зато имел довольно интересную историю. Ученые до сих пор спорят, был ли Танис Аварисом, крепостью захватчиков-гиксосов, и Пи-Рамсесом, где подневольные древние евреи возводили для своих поработителей город-сокровищницу.

В поздний период египетской истории Танис стал столицей; именно в этом городе французская экспедиция под руководством Пьера Монте обнаружила весьма важные царские гробницы. В окрестностях города цари-рамессиды воздвигли дворцы и здания для разного рода удовольствий. Одним из источников этих удовольствий, без сомнения, были прекрасные вина с окружающих Танис виноградников, а также из Инета, расположенного к югу от Таниса.

Северо-восточная часть Дельты была в древние времена хорошо известна своими винами. Там были прекрасные пастбища для принадлежавших царю и храмам огромных стад. Однако большую часть этого района, по всей вероятности, занимали обычные болота, на которых росли высокие, более чем рост человека, папирус и тростник. Тростник служил хорошим укрытием для гусей и уток, а также для прочей дичи, включая ибисов и цапель. Возможно, в те времена в Дельте водились и гиппопотамы, хотя в наше время этих животных там уже нет. Города и села Дельты чаще всего возводились на возвышенностях – как

на природных холмах, так и на созданных человеком. Сейчас Нил имеет в Дельте два главных русла – Дамьеттское и Розеттское. Во времена Геродота существовало не меньше семи устьев, между ними были протоки, каналы и озера.

Жаль, что мы не знаем о Дельте больше – о ее прекрасных дворцах и храмах, о ее прославленных многими виноградниках, о ее стадах, дичи и полях. Нам приходится довольствоваться взглядом с высоты птичьего полета. Попробуем компенсировать скудость дошедших до нас сведений о Дельте более подробным изучением того, что дошло до нас о Верхнем Египте. Для того чтобы ближе узнать этот район, нам лучше всего подняться на борт корабля. Сейчас это самый приятный способ осмотреть Египет; в древние же времена это был способ единственный. Мы отплывем в свое воображаемое путешествие приятным летним утром, перед самым рассветом, на пятьдесят первом году правления Владыки Двух Земель Усермаатра Сетепенра Рамсеса Мериамона, которого последующие поколения будут называть более удобным именем Рамсес II. Мы получили разрешение царя на участие в поездке, а такое разрешение обязательно, поскольку корабль и его груз принадлежит царю, как почти все в Египте – зерно, храмы, животные и люди. Это путешествие не носит торговый характер и совершается не ради выгоды. Судно доставляет вино с королевских виноградников в Египте в храм бога Хнума в Элефантине жрецам, которые, возможно, будут рады вину больше самого бога. Во время пути корабль должен сделать несколько остановок, чтобы выгрузить кувшины с вином в особо любимых царем городах.

Когда мы, зевая, опираемся на поручень, чтобы бросить взгляд на очертания пирамид Гизы, небо уже приобрело светло-голубой цвет. Паруса над нашими головами натянулись и стали тугими; суда, идущие в Мемфис, могут воспользоваться течением – нам же придется полагаться только на северный ветер. К счастью, ветер почти всегда дует именно в нужном направлении, и мы набираем скорость, быстро оставляя позади Мемфис – Белую стену, первую столицу объединенного Египта, которая стоит на границе Двух Земель еще со времен Менеса-объединителя. Вдали мы можем увидеть колонны входа в храм Птаха, возвышающиеся высоко над зелеными вершинами пальм и тамариска, делающих храм еще прекраснее.

Небо уже совсем просветлело, и вот наконец сияющий диск солнца, Ра-Харахте, поднимается на соколиных крыльях из-за линии горизонта. Его лучи заливают светом громаду ступенчатой пирамиды, расположенной у старого кладбища в Саккара. За рекой, слева от нас, видны на бледно-золотистых скалах черные провалы каменоломни в Масара, где добывают известняк. Именно отсюда прибыли камни, которыми были облицованы – чтобы сделать поверхность ровной – грани пирамиды в Гизе. С тех пор многие фараоны брали здесь известняковые плиты для своих гробниц и храмов.

Когда мы проплываем мимо пирамид в Дашуре, солнце уже поднялось высоко; склоны пирамид под прямыми лучами кажутся золотыми. Дальше по реке будет Лишт – как его назовут много позже – с большим числом пирамид, небольших по размерам, уже обвалившихся. В Медуме мы видим последнюю из больших пирамид-гробниц Древнего царства. Во время нашего путешествия она еще выглядит как пирамида, но это продлится не долго. Скоро с нее начнут заимствовать камень, и к 1960 году она будет выглядеть как высокая квадратная башня.

Около Медума нам придется остановиться и привязать корабль на ночь. Ничто на свете – кроме угрозы жизни монарха или собственной матери – не заставит капитана плыть во тьме. Во-первых, в водах реки слишком много песчаных отмелей. Во-вторых, в ночи бродят духи. Некоторые из них несут смерть – «те, чьи лица обращены назад». Возможно, во тьме бродит и еще кое-кто.

Капитан пригласил нас отужинать с ним на палубе. Здесь довольно приятно, прохладный ночной бриз слегка дует в лицо; высоко в небе мерцает звезда. Капитан просит извинен-

ния за угощение – незамысловатую пищу моряков, – однако мы находим ее более чем аппетитной. Жареная утка, лук, редиска, свежий печеный хлеб из деревни, где мы стали на якорь, финики, абрикосы и фиги. И – не может быть! – вино из Инета!

Капитан удивлен и слегка уязвлен, когда мы спрашиваем о вине, хотя мы и делаем это очень тактично. Да, это вино из Инета. Но никто не ждет, что капитан проделает 600 миль с самым настоящим нектаром на борту и не попробует его. Он пожимает плечами – жест, который, должно быть, появился на свет вместе с человеческим родом. Немного вина всегда можно взять, это знают все, это обычай. Он – честный человек; он не продаст ни кварталы груза на сторону, чтобы поделить прибыль с писцом, который должен рассчитать расходы царя к концу путешествия. Такими вещами он не занимается! Да это и не обязательно, поскольку Усермаатра (да живет он и процветает и пребывает в полном здравии!) не спускает проделки такого рода. В прошлом, помнит капитан, такие вещи еще сходили с рук. Старые добрые времена... Но ради одного-двух кувшинов никто шума поднимать не станет. Это превосходное вино, не так ли?

Мы соглашаемся и опустошаем еще одну кружку, с чувством уверенности, что если кто-то и пострадает за исчезновение вина, то не мы.

На следующий день мы входим в Файюм. Если бы мы могли видеть дальше – а из-за пальм нам видно мало, – перед нами открылись бы широкие озера, окруженные зелеными полями, храмами, городами и дворцами. Самое удивительное сооружение Файюма – Лабиринт, как его назовет грек Страбон через тысячу лет после времени нашего путешествия. Капитану это сооружение известно как храм Аменемхета, древнего царя; он состоит из двух тысяч комнат, выбитых в каменном монолите. Файюм – это большой оазис, соединяющийся с Нилом каналом, который будет назван Бахр-Йусуф, или канал Иосифа, – в память о человеке и о событиях, оставивших след в Библии. Однако в египетских письменных источниках и то и другое не отмечено. Потому ли, что Иосифа никогда не было и он обязан своим появлением поэтическому воображению древних евреев, или потому, что египтяне предпочитали не замечать чужеземцев и варваров в своей среде? Если верно последнее, то вполне возможно, что потомки Иосифа до сих пор трудятся в топях Дельты, стараясь после работы набрать немного соломы для своих хижин. Может быть, пока мы плывем по реке, Моисей прокладывает путь идущим за ним людям, а жрецы царского двора в Танисе видят странное предзнаменование во время своих жертвоприношений. Но... все это наши фантазии. Если мы находимся на этом корабле, на пятьдесят первом году жизни Рамсеса, мы способны раз-узнуть, как все происходило на самом деле. Если бы дьявол предложил какому-нибудь египтологу возможность совершить подобное путешествие в обмен на его душу, на такой обмен тот согласился бы наверняка.

Находясь уже в ста восьмидесяти милях к югу от Мемфиса, мы поворачиваем в доки Бени-Хасана, чтобы оставить здесь несколько кувшинов с вином. Это наша первая большая остановка. Местный принц любит вино из Дельты, к тому же он – близкий друг царя. Во время битвы при Кадеше он опустошил с царем не один кувшин. Город расположен на восточном берегу; выше города, в скалах, находятся гробницы, которые считаются древними уже в то время, о котором идет речь. Археологам будущих поколений эти гробницы подарят немало радостных открытий. Принца во дворце сейчас нет – он отправился на охоту в пустыню, так что нас не пригласят на обед. Капитан хочет побыстрее продолжить путь, а потому, как только носильщики принца завершают переноску кувшинов, он приказывает вновь поднять паруса. На следующий день, проходя по реке, мы видим, что скалы на восточном берегу уступили место плодородной долине. Команда собирается у борта, оглядывая берег; моряки негромко переговариваются и касаются пальцами амулетов, что висят на их шеях. Но смотреть здесь особо нечего – только разрушенные стены и груды камней. Когда-то здесь располагался большой город, владения самого большого еретика Древнего Египта,

отвергавшего самого главного из богов. Он получил то, что заслужил, этот преступник Эхнатон. Сейчас запрещено даже произносить его имя.

Когда корабль миновал Ахетатон, который в наши дни известен под названием Телль-эль-Амарна, мы замечаем общее напряженное состояние. Капитан выходит из своего укрытия и становится на носу, внимательно обозревая реку. За весла садятся все моряки. Затем мы видим, что на восточном берегу вновь вырастают скалы. Они образуют наклонную каменную стену; из бесчисленных трещин в скале вылетают стаи птиц, с криками носящихся в воздухе. Это место – одно из самых опасных на реке, здесь порыв ветра, дующего со скал, вполне может бросить судно на песчаную отмель. Вот и сейчас весла под водой натываются на песок. Немедленно следуют энергичные команды, и гребцы проскакивают скалы, минуя отмель буквально в нескольких дюймах. Но предстоит пройти еще двадцать миль опасного участка, и, когда мы наконец минуем узкие места у Гебель-Абу-Феды (это название капитан, разумеется, никогда не слышал), мы думаем только об остановке. Капитан испытывал судьбу, проходя опасный участок так поздно – как только мы бросили якоря и приготовили вечернюю трапезу, опустили сумерки.

На следующий день мы уже в восьмидесяти милях от Бени-Хасана и в двустах пятидесяти от Мемфиса и медленно приближаемся к Ассиуту. Путешествие длится уже более десяти дней, а мы не прошли еще и половины пути до Элефантины. Ассиут – большой город, его правители некогда были близки к тому, чтобы стать царями Египта, а принц Ассиута и до сих пор один из влиятельных вельмож. Если до заката мы доберемся до города, нам следует найти время, чтобы посетить находящиеся в скалах гробницы предков этого вельможи.

Финиковые пальмы и сикоморы, гранаты и персики, поля пшеницы и льна – этот плодородный район мы минуем, оставляя за кормой Ассиут. Через две недели после отплытия из Ассиута мы достигаем священного города Абидос. Здесь был погребен сам Осирис. Пристани Абидоса забиты судами. Среди них – несколько барж с камнем для воздвигаемого в городе великого храма Рамсеса; однако большинство кораблей занято паломниками, направляющимися к месту поклонения Осирису. Погребальный корабль со стоящим на палубе позолоченным ящиком для мумии проходит прямо перед носом нашего корабля, и капитан, забыв обо всяком почтении к усопшим, обрушивает поток ругательств на потных матросов. Затем он отступает в сторону и произносит молитву или две, обращенные к Великому Храму. Однажды и ему придется отправиться в такое путешествие, на судне, похожем на то, на котором когда-то плыл Осирис – конечно, если к этому сроку удастся собрать достаточно денег на подобное путешествие.

Когда мы достигаем Ху (который греки назовут Диосполис Парва), матросы начинают переговариваться громче, чем обычно. Нас несет быстрая протока, и им приходится сидеть на веслах не только в местах сужения реки, но и на многочисленных поворотах. И здесь же начинается большой изгиб реки, уводящий Нил на протяжении тридцати миль почти строго на восток, после чего река снова меняет направление, чтобы еще тридцать миль течь на запад.

Последний город в нашем путешествии на восток – Дендера, в нем находится храм Хатор. В XX веке н. э. многие готовы проделать огромный путь, чтобы посетить храм в Дендере, но они увидят лишь некрасивую, более позднюю версию того чуда, что открывается взору плывущих на нашем корабле. Мы видим гробницу, воздвигнутую великим полководцем Восемнадцатой династии по плану, сохранившемуся еще со времен Хуфу.

Чтобы благополучно миновать города Коптос, Кус и Нагада, гребцам приходится изрядно потрудиться. Затем – поворот на запад, после которого перед носом корабля начали расти обелиски и пилоны Фив, алые в свете золотого солнца. Столица царя Египта в это время находилась в Танисе, но для погребения монархов по-прежнему привозят сюда, в бывшую столицу царей-богов – в «стовратные Фивы», с их огромными храмами – Карна-

ком и Луксором. Проплыв немного дальше, мы можем видеть оба храма; перед ярко раскрашенными пилонами трепещут под утренним бризом алые знамена, древки знамен венчают золотые верхушки. Когда мы приближаемся к докам на восточном берегу Нила, перед нами открывается панорама Западных Фив, «города мертвых». Мы видим каменные фигуры, сидящие перед красивым погребальным храмом Аменхотепа III. За этим храмом стоит храм правящего ныне Рамсеса, еще недостроенный и выглядящий удивительно новым на фоне изъеденных непогодой скал. Однако и недостроенный, он смотрится неплохо, даже по сравнению с другими богатыми храмами, что выстроились в ряд вдоль скал на западном берегу. Одно из этих чудес приковывает взгляд – храм с изгибающимся рядом колонн и с наклонными скатами; террасы этого храма зеленеют деревьями. Как говорит нам капитан, этот храм посвящен Амону, Хатор и царям-тутмосидам; и он должен это знать, он много путешествует и посетил немало храмов. Мы вежливо киваем – но мы, прибывшие из другого времени и другой страны, знаем все же больше, чем капитан, живущий во времена Рамсеса Усермаатра. Этот храм принадлежит Хатшепсут, той женщине, что дерзнула занять царский трон. Ее имя не упоминают в списках царей, ее картуши и ее изображения на стенах храма счищены или замазаны. В будущем археологам потребуется немало времени, чтобы вернуть память о ней.

До наступления сумерек еще несколько часов, но капитан принимает решение остановиться в Фивах до завтрашнего утра. Он снисходительно относится к своей команде и потому разрешает морякам отправиться на берег. Мы решаем тоже воспользоваться предоставившейся возможностью и отправляемся засвидетельствовать наше почтение Амону: баран, которого моряки ведут с собой, возможно, предназначается для вечерней службы в святилище Амона. После религиозной церемонии можно осмотреть достопримечательности. Мы просто обязаны увидеть ночную жизнь этого великого города далекого прошлого. У нас нет времени, чтобы осмотреть гробницы на западном берегу, – даже если бы нам позволили это сделать. Долина Царей охраняется, и потому все, что мы можем увидеть, – это каменная стена из покрытых трещинами скал. Посетителей здесь явно не жалуют – даже туристов.

К несчастью, матросы проявили не меньший интерес к ночной жизни, хотя и не с чисто исторической точки зрения. Наутро вид у них сонный, а двое матросов вообще не явились на борт. Капитан посылает проклятия их предкам, нанимает двух новых матросов, из тех, что слоняются без работы возле пристани, и мы снова отправляемся в путь, лишь на час отставая от нашего расписания.

Матросам приходится десять—пятнадцать миль работать веслами, но мы – отдыхающие туристы – можем облокотиться на поручни и полюбоваться на уходящие вдаль обелиски Карнака. Колоссы Аменхотепа III исчезают из виду последними. Скоро мы минуем Хермон-тис, расположенный на той же равнине, что и Фивы. Здесь жил Монту, бог войны. Затем мы поворачиваем и движемся на юг, подгоняемые довольно сильным бризом. После тяжелой многодневной гребли кажется, что корабль летит. Всего через два дня после выхода из Фив мы минуем два города на противоположных сторонах реки – Эль-Каб с остатками древней стены и Иераконполис. Немного дальше располагается Идфу, одно из святилищ Гора. Как и в Дендере, мы видим с корабля совсем другой храм, чем стоящий ныне на этом месте храм Птолемеев, который каждый год привлекает к себе тучи туристов; перед нашими глазами – оригинал, спланированный самим великим Имхотепом, тем самым, что воздвиг Ступенчатую пирамиду. К его плану бережно относились все жившие после него цари.

Проходит еще два дня, и мы приближаемся к Сильсиле, городу, посвященному Собеку, богу-крокодилу. В этих местах есть серьезные основания относиться уважительно к крокодилам. Известняковое плато северной части Египта здесь меняется на плато из песчаника, а это значит, что в реке появляются песчаные отмели, подводные скалы и водовороты. Река становится опасной. Немало судов в этих местах разбилось или село на мель – и потому молитва Собеку не будет лишней. Но, взглядываясь в воду, мы не видим ни одного крокодила;

их в последнее время стало совсем мало. Но, как угрюмо замечает капитан, обычно крокодила не замечают до тех пор, пока не становится слишком поздно.

Еще один небольшой поворот, и мы видим группу островов возле Ком-Омбо, который станет через несколько тысяч лет одним из любимейших туристами мест. После островов река двадцать пять миль идет прямо, пока не доходит до Элефантины. В конце нашего путешествия пейзаж особенно красив. Прямо впереди виден остров Элефантина; на нем высится окруженный несколькими домами храм. Холмы из известняка чередуются с гранитными скалами, обломки массивных глыб видны и над поверхностью речных вод.

На острове стоит дом принца – его земной дом. «Дворец Вечности» для него воздвигается на севере Египта, так что принц будет лежать неподалеку от своего царственного владыки. На острове есть и другие гробницы, высоко в скалах на дальней от нас западной его оконечности; при солнечном свете мы видим их черные прямоугольные входные отверстия, пробитые прямо в скале. Если мы пожелаем, то можем подняться по скалам и войти внутрь. «Дворцы Вечности» пусты. Возможно, принц Элефантины, который также является и везиром Куша, достаточно рассудителен, чтобы выбрать место для своей гробницы в столице, где кладбища охраняются от воров. Его предшественники, владельцы пустых гробниц, не заботились об охране, поскольку не привыкли думать о своей защите. Исследователи и искатели приключений, они отправлялись в загробный мир так же, как некогда в дикие джунгли внутренней Африки, – в одиночку, никем не изведанным путем. Если мы захотим, то сможем прочесть описание их подвигов – оно высечено на стенах их гробниц. Некоторые слова звучат немного странно, они устарели, но любой грамотный человек может их прочитать. На Элефантине многое стоит осмотреть: гранитные каменоломни и два туннеля, сквозь которые проходят воды Нила. К югу, на острове Сехел, находится «ниломер», который измеряет высоту уровня воды, что весьма важно для благосостояния всей страны.

2. НУБИЯ И ПУСТЫНЯ

Остров Элефантина находится на границе Египта и Нубии; эту границу отмечают пороги. Чтобы добраться до Нубии, нам приходится пройти несколько миль по берегу и лишь потом сесть на судно, которое волоком протащили через пороги. На борт мы поднимаемся напротив большого острова, который в свое время назовут Филае.

Последующая часть путешествия менее интересна; земля скудна, и растущие хлеба не столь зелены. Однако на берегах еще встречаются монументы. Примерно в полудюжине мест мы видим построенные в традиционном стиле храмы – по крайней мере половина из них воздвигнута Рамсесом. Самым величественным его сооружением стал Абу-Симбел, которого мы достигаем на восьмой день после отбытия из Асуана. Две огромные статуи Рамсеса в шестьдесят футов высотой уже завершены. Эти статуи стоят с одной стороны от входа в храм, и сейчас похожие на муравьев маленькие черные фигурки на лесах отделяют лица двух статуй по другую сторону входа. Сам храм вырублен в толще скалы. Один из пассажиров нашего корабля – писец, который должен высадиться в Абу-Симбеле, чтобы проследить за правильностью нанесения надписей в храме. У писца с собой целый мешок свитков с текстами, которые должны быть скопированы. Писец говорит нам, что царь желает запечатлеть еще раз свою великую победу над хеттами – живущим далеко на севере дерзким народом. Писец – человек средних лет, уже начавший набирать жирок, как, впрочем, многие писцы. Его лицо выражает холодную любезность опытного бюрократа всех эпох. Но мы все же замечаем нервное подергивание уголка его рта, когда он заводит речь о знаменитой победе фараона. Мы знаем кое-что о сражении при Кадеше, но мы тактичны, как и писец.

Статуи в Абу-Симбеле кажутся слишком большими и несколько приземистыми. В самом деле, фасад здания явно перегружен этими четырьмя колоссами, а также находящейся

над дверями сложной скульптурной группой и рядом вырезанных из камня обезьян на самой вершине. Впрочем, красиво это или нет, но выглядят статуи весьма внушительно. Как сказал капитан, храм проживет не меньше, чем пирамиды Гизы.

Еще через два дня нашего путешествия мы доходим до второго порога, где река срывается вниз по черным блестящим валунам, мокрым от брызг. За этим препятствием и расположена конечная цель нашего маршрута, и ее уже видно: по обеим сторонам реки стоят на скалах массивные крепости с зубчатыми стенами и башнями. Мы везем с собой послание к начальнику крепости Семна, расположенной на западном берегу залива, – там нас встречает целая толпа, состоящая главным образом из жителей крепости. Жизнь гарнизона скучна, и потому здесь всегда рады видеть приезжих из родных мест.

На Семне нам стоит и завершить свое мысленное путешествие, поскольку этой крепостью заканчиваются южные земли, находившиеся во владении египетских царей так долго, что здесь приняты египетские обычаи и манеры. Хотя египетские храмы и крепости есть и много южнее, путь к ним преграждают пороги, а почти вся береговая линия до самого Судана представляет собой бесплодные скалы и каменные глыбы. К тому же мы путешествуем за пять столетий до появления пирамид в Напата и Мерое, которые будут воздвигнуты потомками «жалких нубийцев», как только что назвал их начальник гарнизона Семны. Это дружелюбный, гостеприимный человек; мы не будем говорить ему, что через несколько столетий «жалкие нубийцы» двинутся на север, чтобы завладеть египетским тронem.

Итак, мы осмотрели большую часть «Черной земли», почти не покидая борта корабля. Путешествие по воде всегда приятно; но когда теперь мы отправимся в «Красную землю», нам останется только порадоваться, что наше путешествие лишь мысленное. Итак, мы направляемся в пустыню – и для этого нам понадобится вся сила духа.

Пустыни – Ливийская на западе и Аравийская на востоке – находятся немного выше уровня долины. В доисторические времена река прорезала себе путь через плато, состоящее из известняка на севере и песчаника на юге. Ко времени фараонов – то есть к рассматриваемому нами сейчас периоду – долина Нила уже лежит на дне ущелья, чьи края возвышаются над ней на несколько сот футов.

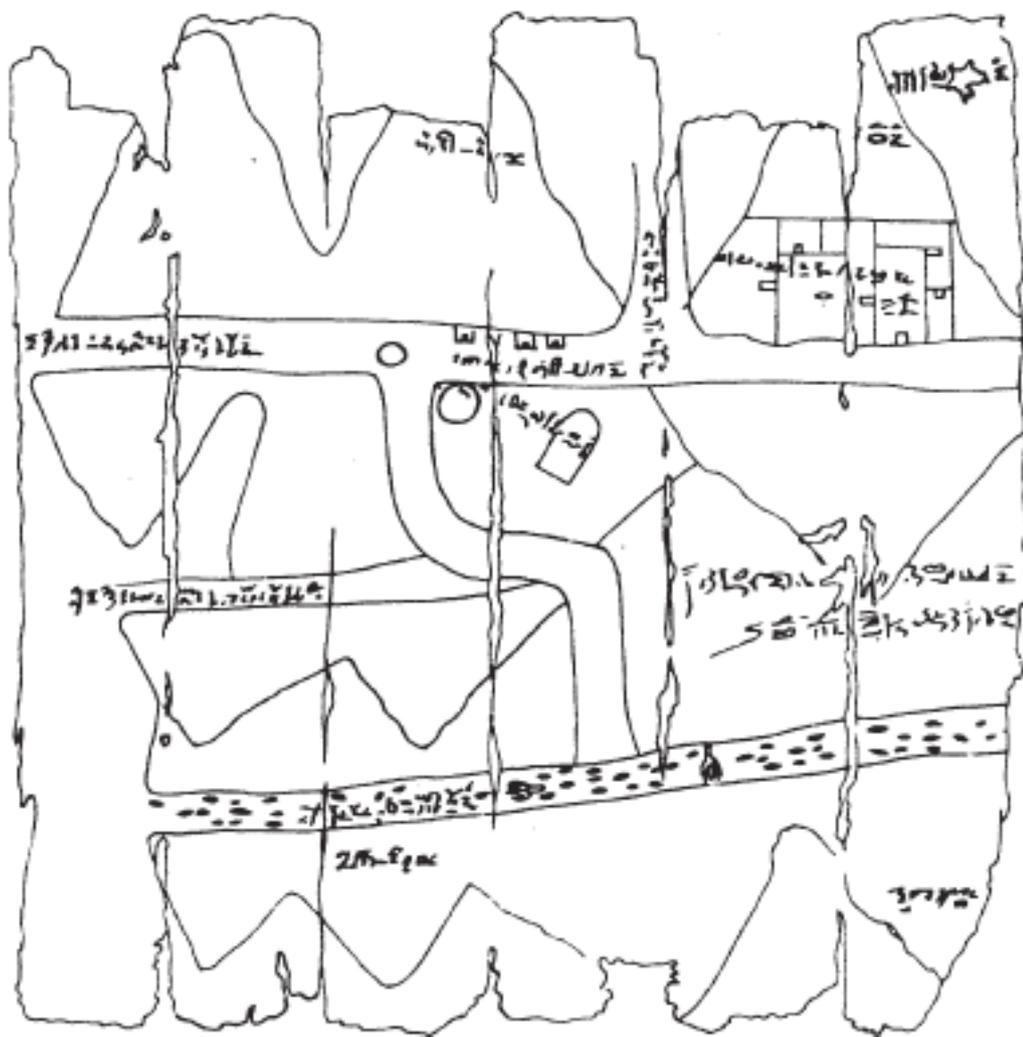
Если бы мы отправились в лежащую на востоке пустыню вместе с группой египтян, то, возможно, пришли бы обратно в долину Нила в районе Коптоса, который лежит на восточном изгибе реки, где Нил подходит к Красному морю ближе всего. Здесь могли бы снарядить караван из ослов – верблюдов в этих местах не будут знать еще долго, – чтобы отправиться по небольшому ущелью Вади Хаммамат, идущему строго на восток.

На восточном плато множество подобных каньонов и ущелий. На нашей тропе, существующей уже несколько столетий, есть несколько колодцев. Но даже при этом путешествие производит жуткое впечатление. Земля бесплодна и мертва, как поверхность Луны, параллельно берегу Нила идут высокие горы, а в одном месте нам приходится преодолевать перевал, возвышающийся над уровнем моря на 2500 футов. Солнце печет неимоверно, и появляющиеся после зимних дождей весенние цветы живут не долго. Утирая пот, мы вспоминаем раскинувшиеся вокруг дворца принца прохладные сады Коптоса и с удивлением думаем, что за сумасшедшие отправляются в это чистилище. Ответ на этот вопрос лежит, в частности, в древнем имени Коптоса. Этот город носил название Небет – «Золотое место».

Часть золота, что давало Египту возможность возвыситься среди других народов, прибывает из Нубии, но наибольшее его количество добывают в пустыне к востоку от Египта. Немного золота в этом месте осталось даже до XX века н. э. Тогда для разработок древних шахт была создана корпорация; от этой затеи пришлось отказаться, поскольку прибыль не покрывала затрат на извлечение золота из руды, эта проблема не беспокоила египтян: если они желали что-либо сделать, они прикладывали к этому все силы, чего мы позволить себе

не можем. Блестательный пример тому пирамиды. Возможно, однако, что египтяне выработали богатую руду и бросили все остальное.

В музее в Турине есть один очень интересный папирус – самая древняя в мире карта сокровищ. Возможно, ее составили именно в те времена, в которые мы отправились в наше воображаемое путешествие по Древнему Египту. Карта показывает размещение некоторых золотых шахт восточной пустыни. Археологи не могут с уверенностью сказать, что за шахты имелись в виду – это вполне могли быть те, что лежали вдоль тропы Хашаманат. Эти шахты – шахты Фуахира – располагались почти у дверей Египта. У некоторых заброшенных шахт, находившихся далеко от троп, до сих пор сохранились остатки древних лагерей золотодобытчиков, представляющие собой загоны для скота и для того человеческого скота, что работал на шахтах, а также бараки для солдат, которые гнали рабов на тяжелейшую работу. По всей видимости, в эти богом забытые места посылали только преступников и военнопленных. Подобные наказания годились для любого, даже самого тяжкого преступления.

Древняя карта района добычи золота

В пустынях можно было найти не только золото, но и полудрагоценные, поделочные камни – гранат, агат, халцедон, яшму, горный хрусталь, карнелиан – полупрозрачный кварц темно-красного цвета. Все эти камни использовали для ювелирных украшений. По всей видимости, древние никогда не видели бериллов и изумрудов, они были найдены в Аравийской пустыне только в наши дни.

Из пустыни привозили также твердый камень. Известно, что все камни тверды, но некоторые тверже остальных. Известняк и песчаник окружающих долину гор были мягкими камнями, из них сооружена большая часть храмов. Но для особых строений, таких, как призванные защищать тела царей саркофаги и вечно хранить внешний вид фараонов статуи, требовались более долговечные материалы. В Асуане добывали гранит, в каменоломнях к северо-востоку от современного Каира – кварцит, а из шахт по маршруту Вади Хаммамат доставляли «прекрасный камень бехен», разновидность кварца, особо ценимая за то, что после полировки его поверхность становилась зеркальной. Камень также добывали в пустыне; в наши дни известно даже, где именно. Мрамор, порфир, сланец, базальт – список добываемых камней очень велик.

Под своей отталкивающей поверхностью пустыня просто ларец с драгоценностями. Но у египтян была еще одна причина, по которой они решались отправляться в пустыню. По Вади Хаммамат караваны могли дойти до Красного моря, и из портов египтяне отправляли торговые экспедиции на юг, вдоль побережья Африки. Там располагалась страна, которую египтяне поэтически именовали «землей богов». Из этих мест в Египет прибывали обезьяны и слоновая кость, золото и черное дерево, шкуры пантер, перья страусов, ладан и мирра. Мы не знаем точно, где находилась эта экзотическая страна, но существует предположение, что поблизости от современного Сомали.

Следом за нашим мысленным прыжком с острова Элефантина в город Коптос сделаем еще один – на север, к Дельте, в которой Нил словно разводит свои зеленые руки на запад и восток. На востоке от Дельты лежит пустыня, которая тянется вплоть до Синайского полуострова. Эти земли – один из источников процветания Египта и дорога в дальние страны.

Синайский полуостров богат медью. Все египтяне имели медные вещи. Вполне разумно предположить, что египтяне получали медь с Синая, но это только предположение; как ни странно, доказательств у нас нет. Шахты на Синае, в Магхаре и Серабит-эль-Хадиме, безусловно, принадлежали египтянам, поскольку именно египетские надписи нацарапаны на окружающих шахты скалах, но там добывали бирюзу, а не медь. На Синае есть древние медные копи, но ничто не свидетельствует о том, что они принадлежали египтянам. Медь, которая была так важна для Египта, могли доставлять из восточной пустыни – после долгих исследований там были найдены египетские надписи, о Синае же нам ничего не известно.

Дороги, проложенные через пески и скалы Синая, вели в Азию. С востока египтяне получали цинк и серебро, окаменевшую смолу, лазурит и жадеит, а также знаменитый ливанский кедр. Во времена империи, когда Египет вел завоевательные войны или отбивался от захватчиков, египтяне получали с востока рабов, наемных солдат, скот и разнообразную добычу. К несчастью, дороги ведут в двух направлениях – по ним могли пройти как египетские войска, так и войска из Азии. Пройти азиатам было нелегко, поскольку египтяне охраняли эти дороги; расставив военные гарнизоны у немногих колодцев, они довольно легко могли контролировать перемещение в Египет и из Египта «жалких азиатов». Однако временами небольшая струйка чужеземцев превращалась в бурный поток. Ненавистные гиксосы, придя из Азии, подвергли Египет национальному унижению, преодоленному только после того, как царь-полководец из Восемнадцатой династии вышвырнул иноземцев в пустыни, из которых они пришли. Даже от завоевателей египтяне перенимали новые и полезные идеи, и во все времена они поддерживали постоянные контакты с другими странами Ближнего Востока – Шумером, Вавилоном, Ассирией, Митанни, хеттской державой, что стимулировало развитие египетской культуры и отразилось на истории Египта. К другим великим цивилизованным державам, с которыми Египет поддерживал торговые отношения, отно-

сился остров в середине «Великой зелени» – Крит¹. Позднее египтяне познакомились и с микенской культурой.

Пустыня к западу от Египта, Ливийская, заслужила меньше хвалебных слов. В ней было мало ценных минералов, в основном диорит и аметист. Самое лучшее, что в ней было, – это цепочка оазисов, протянувшихся почти параллельно Нилу. Всего было шесть крупных оазисов, пять из которых входили в египетские владения. Кардах, «южный оазис», был самым важным из них – он славился вином, как и Бахрийя, «северный оазис». Для хозяйственной деятельности, возможно, самым полезным был Вади Натрум, источник окиси калия – соли, которую египтяне использовали при бальзамировании. Далеко на северо-запад от Вади Натрум лежал Сива, единственный из оазисов, который не был под контролем египтян до сравнительно позднего времени истории Древнего Египта. Именно сюда прибыл Александр Македонский для того, чтобы стать признанным царем Египта, самим Амоном.

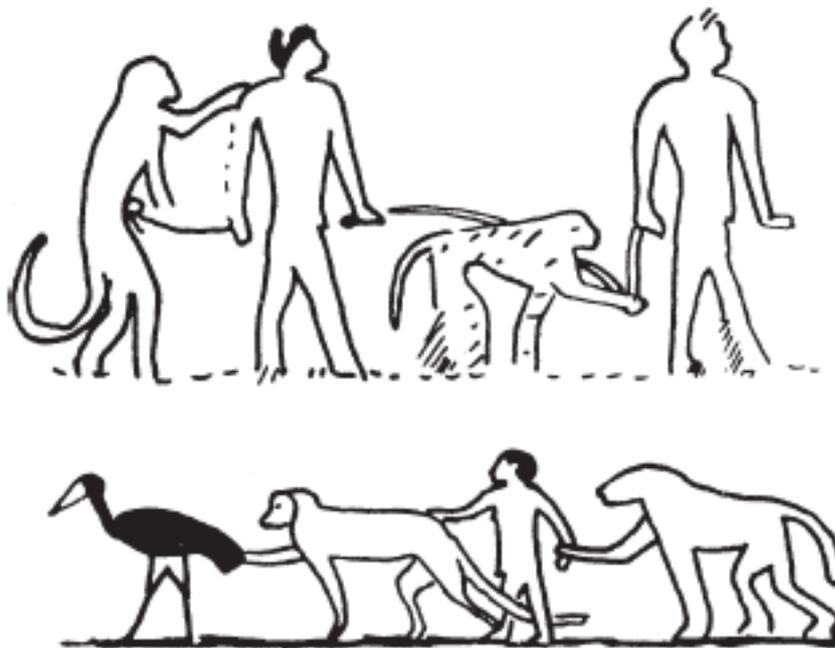
Вода, которая позволяет существовать оазису, сохраняется в озерах и прибывает из подземных источников, в том числе термальных. Как это ни странно звучит, воды здесь даже избыток, а многочисленные комары распространяют малярию. Наверное, поэтому во времена фараонов оазис служил местом ссылки для политических противников и преступников. Изолированность оазиса делала его надежной тюрьмой и без заграждений – попадавший туда мог выбраться обратно, только подкупив солдат патруля, чтобы они смотрели в другую сторону, пока беглец не нагрузит караван ослов водой и пищей. Ссылка сюда обрекала на медленную смерть каждого, от кого желал избавиться царь.

Египтяне называли оазис словом «wahe», это одно из немногих слов, которые перешли в английский язык (другим словом был «adobe» – «необожженный кирпич», от египетского «djabat» – «кирпич из грязи»). Поначалу оазисы, по всей видимости, заселяли племена кочевников, которых египтяне называли «тджемеху» и «тжехену». Этим людям нужно было где-то обитать, а других пригодных для жизни мест в этом районе не было; всего в нескольких днях кочевки на запад начинались бескрайние пески Сахары. Другие кочевники проживали дальше к северу, около западного края Дельты. Они были весьма примитивны по сравнению с египтянами, которым приходилось постоянно присылать сюда карательные экспедиции. Помня о том, в каких условиях жили кочевники, мы вряд ли имеем право осуждать племена Ливийской пустыни за нападения на деревни в Дельте или на какой-нибудь оазис. Кочевники никогда не представляли серьезной опасности, пока в XII столетии до нашей эры не получили поддержку других бродячих племен.

Совершив свое воображаемое путешествие не поднимаясь с кресла, мы ознакомились с большей частью Египта, чем это могло сделать большинство древних египтян. Даже если бы они были путешественниками, прошедшими всю дорогу от Коптоса до Мемфиса или от Амарны до Элефантины, они все равно могли увидеть лишь один и тот же, не меняющийся веками ландшафт – Нил и его долину, высокие утесы, пустыню и пашни. В лучшие дни империи египтяне могли своими глазами увидеть экзотичные заморские страны. Простолыдины обычно шли туда в качестве солдат, но если они не оставляли свои кости в нечистой земле Азии или Куша, то, вернувшись, не любили вспоминать время, проведенное вдали от родной земли. Для них мир был маленьким, хорошо предсказуемым; каждый египтянин хотел, чтобы таким его мир остался и впредь.

¹ Ошибка автора: «Великой зеленью» называли не Средиземное, а Красное море. (Примеч. перев.)

Глава 3 «Горячо любимая своими отцом и матерью»

Дети и животные

1. ДЕТИ

Когда египетский вельможа отправлялся на охоту, он брал с собой всю свою семью. Человек, изображенный на рис. 3 нашей книги, носил имя Небамон и был чиновником времен Восемнадцатой династии; на корточках у его ног сидит его дочь; его жена, красивая и весьма не по случаю одетая, стоит за его спиной в такой позе, что, будь такое в реальности, легкая лодка из папируса наверняка бы перевернулась. Через плечо Небамона перекинута несколько лотосов, собранных его ребенком; мы почти слышим высокий детский голос: «Они тут такие красивые, папочка!» В одной руке египтянин держит живых уток, которые служат приманкой, в другой сжимает метательную дубинку, по форме напоминающую змею. Здесь есть даже домашний кот, схвативший утку за крыло, чтобы не дать ей улететь. Под яликом спокойно проплывают словно выстроившиеся в шеренгу рыбы; слева мы видим и растущие на болоте цветы, и высокий тростник.

Подобный сюжет встречается на стенах гробниц очень часто. Другой вельможа, по имени Менна, имел троих детей, двух девочек и мальчика, и вся семья – его жена, мальчик и девочки сопровождали его в экспедиции, целью которых была, по всей вероятности, не только добыча, но и общее увеселение.

Возможно, египетские отцы больше радовались появлению сыновей из практических соображений – только мальчики могли играть роль Гора, верного долгу сына, в скорбный час погребальной церемонии. Однако нет никаких оснований считать, что дочерей отцы любили меньше, чем сыновей. Если маленьких девочек брали на охоту на уток, это говорит о привязанности, которую в наши дни осмеливаются выказывать лишь очень немногие отцы.

Одним из самых нежных отцов в Древнем Египте был Эхнатон, супруг Нефертити, великий еретик. У Эхнатона не было от Нефертити ни одного сына, и, по всей вероятно-

сти, это вызывало его безмерную скорбь. Но даже если это и так, Эхнатон не оставил об этом ни одного упоминания. Все семь его дочерей были его гордостью, и, судя по всему, он отчаянно их баловал. Куда бы он ни отправлялся, Эхнатон неизменно брал их с собой – и в храм для почитания Атона, и на государственные обеды, и на церемонии в честь особо отличившихся государственных деятелей. Когда Эхнатон и Нефертити отправлялись в поездку в своей колеснице, дочери неизменно ехали за ними в своих собственных колесницах или в той, что принадлежала их родителям. На одном изображении можно видеть Эхнатона, повернувшегося к жене для нежного поцелуя; одна из едущих с ними в колеснице дочерей воспользовалась тем, что родители отвлеклись, чтобы подстегнуть лошадей палкой. Эхнатон потерял одну из дочерей, когда она была еще совсем маленькой. На стенах царской гробницы, где был похоронен этот ребенок, он оставил строки полные столь безутешного горя, подобного которому нельзя встретить ни в одной другой гробнице.

Эхнатон был уникален в том, как открыто он выражал любовь к своим детям, но он, безусловно, не был единственным из египетских родителей, кто испытывал к детям нежные чувства. Эстетические каноны, которым следовало египетское искусство, обычно запрещали изображение семейных сцен. Однако из исключений из этого правила, таких, к примеру, как изображение охоты, а также из косвенных свидетельств мы знаем, что семейные отношения были близкими и теплыми. Среди возвышенных эпитетов на погребальных стелах встречаются и приведенные в начале этой главы слова: «Горячо любимая своими отцом и матерью».

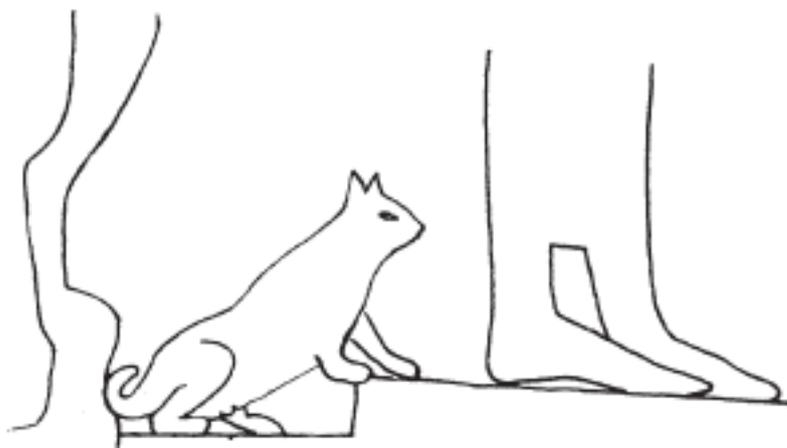
Пока дети были малы, они вели довольно беззаботный образ жизни. Чем они играли? Скорее всего, камнями, песком, осколками разбитой посуды, поскольку в те далекие времена родители не обременяли своих детей разного рода познавательными игрушками. Некоторые из древних игрушек сохранились до наших дней – это миниатюрное оружие и несколько довольно искусных механических устройств. Одно из них представляет собой стоящий на платформе ряд маленьких танцующих карликов; они поднимаются и опускаются при помощи веревки. Это была дорогая игрушка и предназначалась, очевидно, для сына какого-то вельможи, который, возможно, поиграв с нею пять минут, положил ее пылиться, чтобы вернуться к любимым пирожкам из песка. Еще одна механическая игрушка, показанная нами на фото, представляла собой кота. Челюсти кота двигались при помощи веревки.

Египетских кукол можно найти во многих музейных коллекциях, однако скорее всего они не были детскими игрушками. Это с уверенностью можно сказать о маленьких обнаженных женских фигурках, служивших заупокойными магическими талисманами; их находили в гробницах. Другие куклы очень примитивны и представляют собой обточенные в виде лопасти деревянные бруски, грубо разрисованные, с шапкой глиняных кудрей. Поскольку их тоже находили в гробницах, возможно, и они имели магическое значение.

По всей видимости, дети любили плавать. Богатые люди кичились искусственными прудами в своих садах; простонародье имело в своем распоряжении Нил или какой-нибудь рукотворный канал. Молодежь играла в мяч. Этот мяч напоминал современный бейсбольный. Мячи сшивали из шкур животных и набивали. У мальчиков были популярны состязания в бегах и борьба, у девочек – танцы и игры в «свой дом». Изображения некоторых игр сохранились на барельефах гробниц; на одном играют четверо детей, двое забрались на спины двух других и перебрасываются мячом. Цель игры угадать нетрудно. Судя по всему, игра доставляла немало радости, особенно ловким и проворным. В другой игре один мальчик стоит в центре, четверо или пятеро окружают его, взявшись за руки. Игра называлась «Обход кругом четыре раза», но ее правил мы не знаем.

2. ДОМАШНИЕ ЛЮБИМЦЫ

Домашние животные доставляли немало радости и взрослым и детям. По всей видимости, именно Египет родина домашнего кота. Диким предком котов наших переулков (прошу прощения, «домашнего короткошерстного кота»), вероятно, было небольшое животное с темными полосами или пятнами. Египтяне обнаружили полезность этого замечательного создания очень рано и, возможно, в связи с выращиванием зерновых культур. Где есть зернохранилища, там появляются и грызуны, и ни одна мышеловка не может сравниться с котом. С присущей этому зверю самоуверенностью египетский кот вскоре перебрался из амбара и в дом, заняв любимое кошачье место под стулом хозяина.

Кот под стулом своего владельца

Одна чтимая египтянами богиня имела голову кошки, что само по себе не есть признак особого почтения, поскольку многие животные были связаны с тем или иным богом. И не все коты, вопреки расхожему мнению, считались в Египте священными животными, но такие кошки жили в Бубастисе, где находилось главное святилище богини с кошачьей головой. Обнаружены и мумии кошек; некоторые, вероятно, были священными животными, а некоторые – просто домашними любимцами. Похоже, что изящество гибкого кошачьего тела нравилось египетским скульпторам – до наших дней дошло великое множество статуэток, изображающих кошек, от совсем маленьких, которые можно было носить при себе в качестве амулета, до больших, почти в натуральную величину. В последнем случае грациозные линии спины и боков, а также гордая, покрытая пятнышками мордочка изваяны с поразительным изяществом. На всех сохранившихся изображениях и скульптурах кошка выглядит гладкой и хорошо ухоженной. К кошкам и в самом деле относились с нежной заботой, это видно хотя бы из заклинания для изгнания яда из тела кошки, ужаленной скорпионом. Как и заклинания при человеческих болезнях, это заклинание призывает на помощь магию. «О Ра, приди к своей дочери, – начинается оно, – которую ужалил на пустынной дороге скорпион. Ее крики обращены к тебе; услышь их на своем пути! Она пыталась высосать яд из раны, но, увы, яд проник в ее конечности». Ра отвечает, что готов прийти на помощь кошке, а затем каждую часть кошачьего тела отдают под покровительство отдельного бога: «О кошка, твоя голова – это голова Ра; о кошка, твой нос – нос Тот...» и так далее. После этого в заклинании дана куда более практическая рекомендация – наложить жгут.

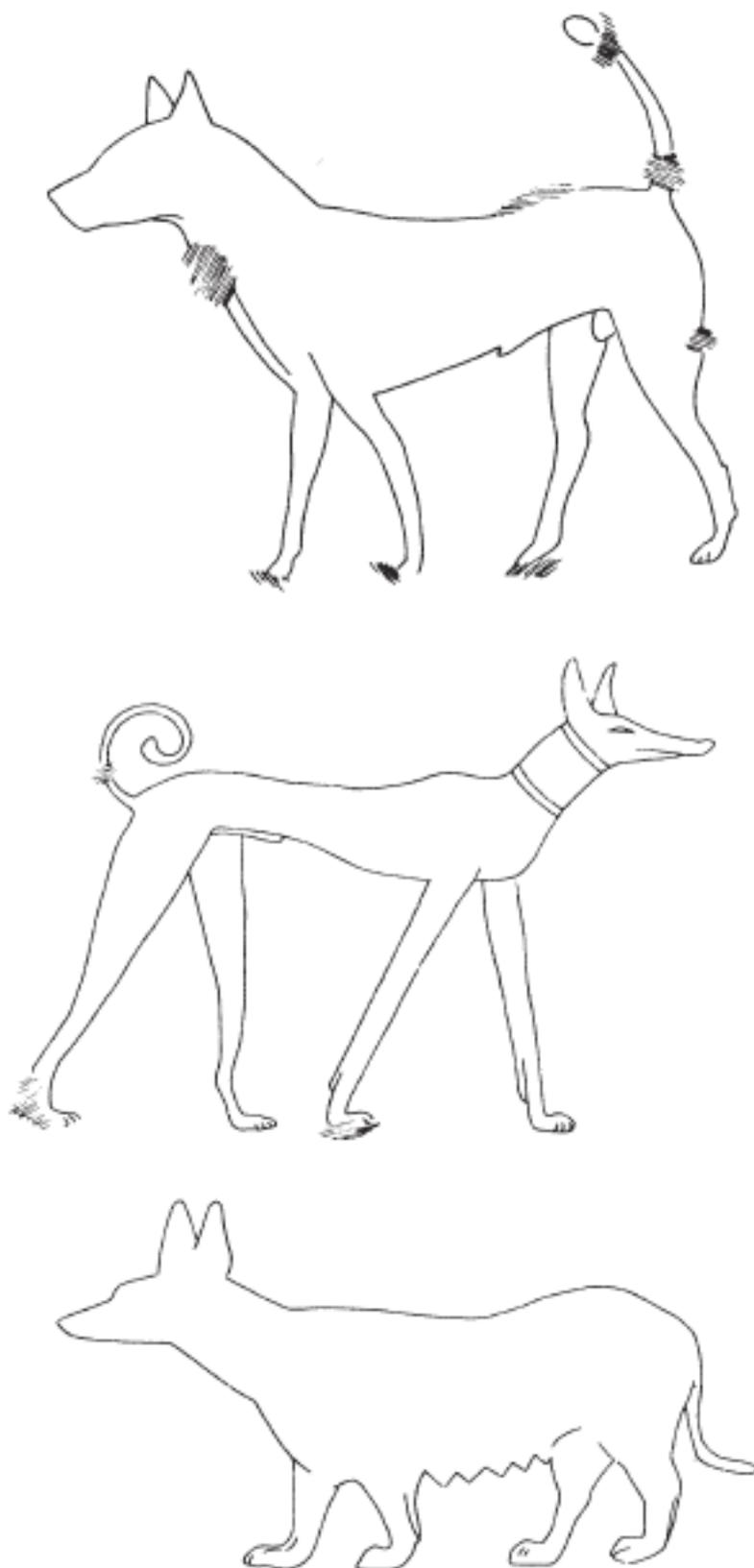

Кот на охоте

Да, уж точно, что египтяне очень любили кошек. Они даже давали дочерям ласкательное имя «маленькая кошка», равнозначное нашему «котеночек». Мы должны упомянуть, что слово, обозначающее кота, по-египетски звучало «миу».

Собак, видимо, одомашнили довольно рано, так было во многих странах мира. Ко времени, когда собаки появились на египетских барельефах, существовало уже несколько разных пород. Собаки одной из этих пород были длиннотелыми, с длинными ногами и напоминали американских грейхаундов. Возможно, они имеют какое-то отношение к породе африканских собак салуки, которых до сих пор используют для охоты. Другой тип собак походит на короткошерстного терьера – за исключением странного шарика на конце хвоста; такой шарик не встречается ныне ни у одной из пород и, возможно, был украшением, которым собака была обязана своему владельцу. Но среди собак, увиденных мною на древнеегипетских изображениях, мне больше всего по сердцу маленькие собачки с кривыми лапами, округлым тельцем и длинной мордой таксы, хотя и с ушами острыми, а не висячими, как у наших такс.

Собак можно часто видеть на картинах и барельефах – в виде домашних животных и спутников на охоте, но их скульптурные фигурки почти не встречаются. Возможно, это связано с тем, что собак не обожествляли – за исключением тех случаев, когда бога Сета изображали в виде собаки, тоже напоминавшей грейхаундов.

Три породы египетских собак

Любители собак в наши дни утверждают, что их четвероногие друзья проявляют больше любви к хозяевам, чем кошки. Возможно, египтяне считали так же; по крайней мере, они давали своим собакам такие же имена, как членам семьи. Профессор Й.М.А. Янссен составил список собачьих имен, и он достаточно велик, чтобы сделать вывод, что многие

собаки носили имена. Это очень существенно, поскольку имя у египтян имело и магическое значение. Кажется, самые известные собаки древности принадлежали молодому фараону Фив в предшествующий Среднему царству период. Его звали Ваанкх, на его погребальной стеле рядом с ним изображено пять собак. Возможно, он надеялся сохранить привязанность своих собак и в следующей жизни. Возле каждого изображения собаки написано ее имя. Трех псов звали одинаково, в переводе эта кличка звучит Газель, одна имела кличку Черный, одна – Кухонный Горшок. Последнее прозвище выглядит странно, но объяснить его несложно. Кухонный горшок полон пищи, и, по всей вероятности, эта собака любила поесть.

К домашним животным относились и обезьяны. Сохранилось несколько изображений, на которых эти животные с грустным видом сидят на корточках под стулом хозяина – на месте, обычно занимаемом домашней кошкой. Одна более веселая картинка показывает обезьян, держащихся за руки детей. На одном из моих любимых изображений можно увидеть кота, гуся и обезьяну. Обезьяна весело крутится на перекладине стула; кот и гусь дружески обнимаются, кот обхватил лапкой шею гуся. Птица, похоже, сомневается в его дружеских намерениях – в глазах у гуся страх, лапы находятся над землей, словно он собрался взлететь. Мне очень хотелось привести эту сцену в книге, но какие-то еще древние вандалы отбили коту голову и испортили всю картину. Остались лишь верхушки ушей и кончики усов – чего, впрочем, достаточно, чтобы с уверенностью сказать, что челюсти киски не сомкнуты на шее его не в меру перепуганного соседа.

Египтяне одомашнили и многих других животных, но мы не можем сейчас сказать, насколько они были к ним привязаны. Лошадей египтяне использовали, но сравнительно мало. Возле гробницы Сенмута, близкого друга царицы Хатшепсут, погребена мумия кобышг. Должно быть, этот вельможа любил животных, поскольку вместе с ним похоронена его любимая обезьяна. Цари нубийского происхождения из Двадцать пятой династии очень любили лошадей. Один невезучий египетский принц, чей город был осажден и завоеван, едва не лишился головы, когда его победитель Пианкхи, первый царь нубийской династии, обнаружил, что лошади в стойле принца отошдали от долгой осады. Пианкхи заявил, что страдания лошадей доставляют ему гораздо сильнейшую боль, чем что-либо еще – включая, надо думать, голод среди жителей осажденного города и смерть многих солдат обеих армий. Я сама люблю животных, но все же считаю подобное пристрастие несколько чрезмерным. Однако в Древнем Египте подобными взглядами трудно бышо кого-то удивить.

Возможно, на лошадях список животных, к которым люди чувствовали привязанность, и заканчивался, однако я убеждена, что египетские дети получали удовольствие и от игры с другими животными, особенно с детенышами. Египтяне не использовали верблюдов; тяжести переносили ослы. На мясо выращивали коз, свиней и другой скот. Детенышей газелей и горных козлов приручали, и, пока они не вырастали, к ним, вероятно, проявляли определенный интерес дети. Видимо, забавляли их утята и гусята, но не цыплята – кур в Египте не знали.

3. ВЗРОСЛЕНИЕ

Маленькие дети об одежде могли не беспокоиться – они бегали нагишом. Однако подростки уже должны были надевать такие же одежды, что и родители, – юбки для мальчиков, простые полотняные платья для девочек. Волосы девочек лежали свободно или были связаны в пучок, но мальчики носили весьма необычную прическу – голову брили, за исключением спускающейся с макушки на одну сторону заплетенной косички.

Такую косичку можно достаточно отчетливо видеть на барельефах; она обнаружена у одной из мумий, принадлежащей мальчику примерно одиннадцати лет. Длинная косица мумии не была срезана, однако известно, что по достижении юношей определенного воз-

раста косичку состригали на соответствующей церемонии, после которой совершалось обрезание. В одном из текстов упомянуто о массовом обрезании 120 мужчин и говорится, что ни один из них не отказался и не был вычеркнут из списка! Подобные массовые церемонии, знаменующие достижение половой зрелости, известны во многих культурах; от юноши во время такого посвящения в мужчины (инициации) ожидали твердости духа и терпения к боли. У нас нет сведений, что данный ритуал был связан с определенным возрастом, но мы знаем наверняка его смысл. «Косичка юности» часто упоминается в египетских текстах. После церемонии мальчик уже больше не считался подростком или, как модно сейчас говорить, тинейджером. Он становился мужчиной, готовым для исполнения взрослых обязанностей. На Ближнем Востоке и в наши дни физически созревают раньше, чем в западных странах, поэтому египетские дети, скорее всего, вступали во взрослую жизнь в возрасте, который нам может показаться возмутительно ранним. Надгробные автобиографии крайне скупы на сведения о возрасте, в котором автор этой биографии начинал свою карьеру, но считается, что выбор и обучение профессии и женитьба происходили после десяти лет.

Косичка подростка

Взрослый человек мог обзавестись семьей. Мужчине нужны были сыновья, которые после смерти отца исполнили бы все требуемые погребальные церемонии и обеспечили бы его дух пищей и питьем. Это одна из главных причин, по которой египтяне вступали в брак. Нередко браки детей устраивали родители, однако в Египте не существовало той изоляции женщин, которая принята на современном Ближнем Востоке, и в принципе юноша и девушка могли пожениться по взаимной любви.

Египетская любовная лирика появилась в сравнительно поздний период истории Древнего Египта, но у нас нет никаких оснований полагать, что состояние души, столь красочно описанное этой поэзией, могло быть пережито только после, предположим, 1500 года до н. э. Строки древней поэзии могут кому-то показаться смешными – но только тем, кто сам не испытал описываемых чувств.

Считалось, что юноша должен показать свои чувства первым; до того, как он это сделает, девушка должна вести себя скромно и застенчиво.

Я встретила Мехи – он ехал по дороге
Вместе со своими друзьями.
Я не знаю, куда свернуть с его пути;

Следует ли мне как бы случайно пойти за ним?
Гляжу, вместо дороги я вступила в реку.
Я не знаю, куда поставить ногу!

Глядя на ничего не подозревающий предмет своего обожания, девушка не осмеливается показать свою любовь; пытаюсь сохранять спокойствие и равнодушие, она не видит, куда идет. Но вот она узнает, что ее любят, и выражает страстное желание:

О, если бы ты пришел ко мне,
Подобный жеребцу царя,
Выбранный из всех других коней,
Лучший в конюшне!

Юноша испытывает те же муки и восторги, что волнуют и героев современных романов. Когда его возлюбленная отвечает на его любовь, он погружается в смелые мечтания:

Любовь моей возлюбленной
На том берегу;
Нас разделяет река
И крокодилы, что прячутся
На песчаных отмелях.
Но, войдя в реку, я преодолею волны.
Мое сердце не дрогнет в потоке.

Вода подобна земле у моих ног, ее любовь охранит меня.
Любовь, словно амулет, поможет преодолеть воду!

Когда девушка покидает его, юноша впадает в уныние:

Семь дней я не видел свою возлюбленную,
И меня одолела болезнь.
Мое тело отяжелело; я забыл о себе.
Если лучшие врачи придут ко мне,
Мое сердце не излечить их средствами.
И жрецы мне не помогут.
Моей болезни нет названия.

Как увижу ее, *тогда* и поправлюсь.
Когда она откроет глаза, мое тело помолодеет.
Когда она заговорит, я стану сильным.
Когда я обниму ее, она изгонит из меня зло.

Но она ушла – вот уже семь дней.

В этих стихах нет эротики; они выражают романтическую любовь, хотя многие специалисты, кажется, считают, что подобные эмоции могут иметь место только в нашей культуре. Нет сомнения, любящие в конечном счете желают физического союза – однако их занимает

не только это. В стихах прекрасно выражены и *chagrin*², и *plaisir d'amour*³. Одного присутствия объекта любви бышю достаточно, чтобы девушка или юноша испытали душевный подъем, а поцелуй отправлял их на небеса. Некий юноша восторженно говорит:

Когда я целую ее и ее губы открыты,
Я счастлив без пива!

Иначе говоря, опьянен любовью. Существует общее убеждение, что египтяне не целовались, а только терлись носами. Строчки, приведенные выше, полагаю, ясно показывают, что носами дело не ограничивалось. Поцелуй подразумевает сближение лиц, самая выступающая деталь на лице – нос, и потому на некоторых рельефах действительно можно видеть стоящих «нос к носу». Каноны искусства не позволяли египетским художникам показывать лицо в том тесном контакте, который требуется для поцелуя; положение «нос к носу» было максимумом, что они могли позволить, не перекрывая части изображения и не нарушая тем самым общепринятых правил. Я совершенно уверена, что Эхнатон целовал свою жену: он был иконоборцем, еретиком, а красота Нефертити, бесспорно, возбуждала его. Некоторые из барельефов Амарны показывают царственную чету в достаточно романтических позах. В одном случае голова Нефертити откинута назад, и совершенно очевидно, что должны встретиться губы, а не носы. На других барельефах царица сложила губы для поцелуя. Поскольку художникам Амарны предоставили большую свободу в изображении людей, может быть, они пытались отразить существующий обычай, который прежде невозможно было сделать предметом изображения.

Эхнатон и Нефертити

Египтяне даже верили в то, во что многие не верят и в наши времена, – в любовь с первого взгляда. Рамсес II влюбился в свою невесту, принцессу из государства Митанни, в то же мгновение, как увидел ее, «потому что она была прекраснее всего». И в одной из самых красивых египетских легенд... Впрочем, давайте ее расскажем по порядку.

«Давным-давно, в старину жил царь, у которого не было сыновей. И тогда его величество обратился к богам с просьбой подарить ему сына – и боги решили, что у него родится один. В ту ночь он лег со своей женой, и она забеременела. И вот, когда прошло время беременности, родился сын. Жена отправилась к Семи Хатхор⁴ узнать его судьбу. Хатхор сказали: «Он погибнет либо от крокодила, либо от змеи, либо от собаки».

---

² Печаль (фр.). (Примеч. перев.)

³ Радость любви (фр.). (Примеч. перев.)

⁴ Х а т х о р (Хатор) – в древнеегипетском пантеоне – богиня неба и любви; отождествлялась с шестью другими боже-ствами, отсюда и Семь Хатхор. (Примеч. ред.)

Люди, что были около ребенка, услышали это и передали эти слова его величеству. От этой вести сердце царя преисполнилось великой печалью. И его величество приказал построить на пустынном месте каменный дом и наполнить его слугами и всем самым лучшим из дворца, чтобы мальчик мог не выходить из дома.

Когда мальчик подрос, то однажды, находясь на террасе, он увидел собаку, бегущую за бредущим по дороге человеком. И он сказал своему слуге: «Что это за вещь, следующая за идущим по дороге человеком?» Тот ответил: «Это собака». И мальчик сказал: «Пусть кто-нибудь принесет мне такую же». Когда слуга передал эти слова его величеству, царь сказал: «Принесите ему маленькую собачку, чтобы он не печалился». И слуги принесли мальчику щенка».

Когда мальчик повзрослел, его стало тяготить пребывание во дворце, и он уговорил отца отпустить его, сказав, что боги все равно осуществят то, что написано на роду. Облачившись в дорожную одежду, сын царя отправился в путешествие и в конце концов оказался в Нахарине, где узнал о необычайном случае. Царь Нахарина имел одну лишь дочь, для которой выстроил особый дом. Окна этого дома находились в семидесяти локтях над землей. Царь призвал к себе сыновей всех князей Сирии и объявил им: «Тому, кто допрыгнет до окна моей дочери, я отдам ее в жены».

Вновь прибывшего царского сына доброжелательно встретили сирийские юноши: он был красив собой, к тому же всех тронула его печальная история: скрыв свое происхождение, он сказал, что новая мачеха сделала его жизнь в доме невыносимой. Он спросил сирийцев, зачем они прыгают перед высокой башней весь день напролет, и они рассказали об условии царя. И он сказал им: «О, если мои ноги не подведут меня, я бы тоже прыгал с вами». И когда они снова отправились прыгать, что делали каждый день, он стоял в стороне и смотрел. И дочь царя Нахарина увидела его.

Прошло несколько дней, и царский сын тоже пошел прыгать с другими юношами. Когда настала его очередь, он допрыгнул до окна царской дочери! Она обняла его и поцеловала. Свидетели отправились к ее отцу, чтобы поведать ему об этом... и царь спросил: «Он сын одного из князей?» Ему ответили: «Он сын вельможи из Египта и убежал от своей мачехи».

От этих слов царь Нахарина пришел в великую ярость и сказал: «Я должен отдать свою дочь беглецу из Египта? Пусть возвращается к себе домой!» И юноши вернулись к египетскому царевичу, чтобы сказать: «Ты должен возвратиться туда, откуда пришел!» Но молодая девушка обняла его и сказала: «Клянусь Ра-Харахте, если его отнимут у меня, я перестану есть, перестану пить, я немедленно умру!» И посланец пришел к царю и сообщил, что сказала дочь. Тогда ее отец послал солдат убить царевича на месте. Но девушка сказала: «Клянусь Ра, если вы убьете его, я умру, едва солнце зайдет! Я не буду жить ни часом больше!»

Царь Нахарина вынужден был уступить своей разгневанной упрямой дочери; кроме того, на него произвели впечатление и красота юноши, и его царственные манеры. В конце концов царевич и девушка, влюбившаяся в него с первого взгляда, поженились. Когда царевич рассказал своей жене о судьбе, которую предсказали ему Семь Хатхор, она попросила его избавиться от собаки; но он ответил, что растил собаку с того времени, когда она была еще щенком, и не может с ней расстаться. Благодаря бдительности своей преданной жены царевич избежал первой угрозы – змеи; но потом его напугал собственный пес, и, убегая от своего любимца, он попал в пасть крокодила. Но тут зверь обещал царевичу отпустить его, при условии, что тот вступит в схватку с духом воды, с которым крокодил тщетно сражался в течение нескольких месяцев...»

На этом решающем для царевича моменте древний манускрипт обрывается; это один из самых досадных пробелов во всей древнеегипетской литературе. Нам остается только догадываться, избежал ли царевич смерти от змеи и крокодила лишь для того, чтобы стать

жертвой выращенной им же собаки, или его пес пришел ему на помощь. Я больше надеюсь на вторую версию – не только потому, что я оптимистка, но и потому, что египтяне были оптимистами; большинство подобного рода сказочных историй имеет счастливый конец. Проницательный читатель наверняка узнает много знакомых деталей в этой истории – к сожалению, менее известной, чем она того заслуживает.

Внезапная любовь принцессы к принцу – обычный эмоциональный элемент западных сказок. Переодетый принц, принцесса в недоступном замке, чья рука является наградой за удаль, предсказанная печальная судьба, попытка отца юноши избежать этой судьбы, спрятав сына, – все это встречается в дюжине хорошо известных европейских сказок. Древняя легенда заставляет задуматься над тем, где находятся истинные истоки нашего фольклора. С начала христианской эры, когда была записана эта сказка, и до XIX века, когда ее нашли и перевели, ни один человек на земле не мог прочитать «Обреченного принца» – так озаглавлен этот древний манускрипт. Как сюжеты из него попали в такие европейские сказки, как «Рупунцель» или «Принцесса на Стеклойной горе»? Может, мы имеем дело с какими-то общими, глубинными психологическими особенностями человека?

Так это или нет, но взгляды египтян на любовь были во многом похожи на наши. Их взгляды на брак, который, разумеется, являет собой совершенно особый характер, – мы рассмотрим в следующей главе.

Глава 4 Хозяйка дома

Знатная египтянка

1. ЕГИПЕТСКАЯ ЖЕНЩИНА

Кто-то – я думаю, это была доктор Маргарет Мюррей – однажды сказал, что о состоянии цивилизованности страны можно судить по положению в ней женщин. Чем выше культура народа, тем большее уважение он оказывает женской половине населения.

Как бы мне ни хотелось поддержать эту идею, приходится признать, что даже при самом беглом изучении фактов этот постулат совершенно не подтверждается. Возьмем простой пример: расцвет творческого гения в Афинах во время правления Перикла выдвинул Грецию в ряд великих цивилизованных государств – но, возможно, ни одна древняя культура не держала женщин в столь жалком положении, как во времена Софокла, Сократа и Фидия. Им не оставляли даже *Kinder, Kuchen und Kirche*⁵; на женщин косо смотрели, даже когда они появлялись рядом с храмом. И наоборот, ряд обществ, в которых женщины занимали высокое положение, относятся к весьма примитивным.

На примере Древнего Египта не видно, чтобы величие страны соответствовало привилегированному положению женщины. Хотя им было и лучше, чем во многих других странах, но «равных прав», которых требуют себе современные женщины, они не имели. Освоить какую-либо профессию они не могли, как и овладеть каким-либо ремеслом, за исключением чисто женских. Среди женщин не было ни плотников, ни скульпторов, ни писцов, хотя некоторые дамы, по крайней мере в царской семье, умели читать и писать. Не было среди женщин

---

⁵ Дети, кухня и церковь (нем.) – удел немецкой женщины в XIX в. согласно принятым в Германии взглядам. (Примеч. перев.)

и жриц, но при некоторых храмах состоял свой штат женщин. Большинство из них упоминается как «певицы» – они пели в хоре и танцевали для увеселения богов. Аккомпанировали себе «певицы» при помощи систра⁶. Иногда этих женщин рассматривали в качестве наложниц бога, хотя и не сохранилось свидетельств о сакральной проституции, имевшей место в некоторых других культурах.

Женщины могли быть певицами, танцовщицами или музыкантками, и в этом качестве они, как это видно на изображениях, часто развлекали гостей на частных обедах. Но эти девушки – большинство из них были молодыми и красивыми – могли и не быть профессионалками, работавшими за плату, но всего лишь рабынями или домашней прислугой – хотя в одном рассказе группа странствующих женщин-музыкантов описана как очень похожая на современный оркестр. Однако главным местопребыванием женщины служили дом и семья.

Если ты человек высокого положения, тебе следует завести свой дом и любить свою жену, как это подобает. Наполняй ее желудок и одевай ее тело; покрывай ее кожу маслом. Пусть ее сердце радуется все время, пока ты жив, она – плодородное поле для своего господина. Ты не должен спорить с ней в суде; не выводи ее из себя. Делись с ней тем, что выпадает на твою долю; это надолго сохранит ее в твоём доме.

Именно так следует относиться к жене, согласно Птахотепа, мудрецу времен Древнего царства, оставившему потомкам книгу советов. Нам довольно трудно представить себе этого человека пересекающим кишаскую крокодилами реку ради того, чтобы добраться до своей дамы сердца, или погружающимся в глубокое уныние, когда она отправляется на неделю к своим родителям. Птахотепа писал свои советы во времена Древнего царства, а любовные песни появляются лишь через тысячелетие, но не следует думать, что за эту тысячу лет египтяне стали смотреть на женщин иначе. И во времена любовных песен находились мудрецы, дававшие чисто практические советы:

Если ты молодой человек и берешь себе жену и вводишь ее в свой дом, помни, что тебя родила и вырастила мать. Не доводи до того, чтобы жена стала тебя проклинать, обратилась бы с жалобами к богам и они бы ее услышали... Не обременяй жену опекой, если ты знаешь, что она в полном здравии; не говори ей: «Где это? Принеси это нам!», когда она [уже] положила эту вещь в [самое] удобное место. Побольше молчи и наблюдай – только так узнаешь ты ее способности.

Последнее предложение указывает на глубокую проницательность этого мудрого пожилого человека; лишь немногие из мужчин догадываются, как раздражают их жен постоянные «назидания» о ведении домашних дел.

Между вышеприведенными, относящимися к разным эпохам цитатами заметна большая разница. Возможно, она свидетельствует о том, что в более позднее время женщины приобрели больше прав, чем на заре египетской истории. У них определенно были права на собственность; сохранились десятки юридических документов о покупке или приобретении имущества, в которых женщины распоряжаются домами и землей по своей воле, без ссылок на разрешение мужа или отца. Мисс Мюррей назвала такое положение вещей «продвинутым», и в этом Древний Египет стоял на несколько ступенек выше, к примеру, викторианской Англии. Слова Птахотепа о том, что муж не должен спорить в суде со своей женой, позволяют предположить, что еще в те времена жена имела равные с мужем права.

---

⁶ С и с т р – музыкальный инструмент в виде рамки с рукояткой; через рамку проходило несколько металлических стержней; при встряхивании стержни позвякивали.

Слова Птахотепа не содержат ни крупинки романтики, но в них можно усмотреть один весьма отрадный элемент. Хотя хозяином дома, безусловно, был муж, его главенство следовало устанавливать справедливостью и вниманием, а не грубой силой. Похоже, что древний мудрец ничего не говорит о рукоприкладстве по той причине, что не считает возможным даже упоминать о столь грубом поведении, но, наверное, оно все же имело место. Однако в египетской культуре очень многое говорит о нежности и обходительности, в том числе в отношениях между мужем и женой. Отношения были явно иными, чем на современном Ближнем Востоке; их можно назвать утонченными, даже изысканными.

О церемонии бракосочетания мы знаем очень мало. Большинство авторитетов считает, что свадьба была очень скромной; некоторые даже утверждают, что ее не было вовсе. Возможно, мужчина просто возводил дом и приглашал в него женщину, а когда она перебиралась к нему, тогда и происходила свадьба. Скорее всего, существовало какое-то документальное оформление брака, но свидетельствами о религиозных обрядах мы не располагаем.

Полигамия была допустимой, но не общепринятой. Существовала определенная разница между статусами жены и наложницы. Первая, или главная, жена именовалась «хозяйкой дома» (мне неизменно доставляет удовольствие, когда ко мне так обращаются торговцы; я собираюсь как-нибудь поприветствовать кого-то из них по-египетски). Брак не считался пожизненным, вполне был возможен развод, однако обычно муж и жена считали, что продолжат свой брак и в загробной жизни, и потому некоторые статуэтки из гробниц изображают мужа и жену сидящими обнявшись, с обращенной в вечность улыбкой.

Когда женщина становилась матерью, ее общественный статус повышался. Считалось, что сыновья должны были почитать и любить своих матерей, и надписи на гробницах конца Древнего царства и всего периода Первого междуцарствия, перечисляя заслуги усопшего, обычно содержат упоминание о том, что он любил свою мать. Довольно странно, но в этих надписях о любви к жене не говорится. Человека почитали за любовь к родителям, детям, братьям и сестрам – но никогда, насколько я знаю, за любовь к своей супруге. Это серьезное упущение, и объяснить его трудно.

Мы видели, какими были права женщины. Каковы же ее обязанности? Одна из главных – «быть плодородным полем для своего господина», то есть рожать ему детей, предпочтительно сыновей. Хотя о других обязанностях говорится редко, естественно ожидать от жены создания удобств для супруга, приготовления пищи, поддержания в порядке одежды, надзора за домом, выполнения материнских обязанностей. Если муж был земледельцем, жена помогала ему в поле; жены чиновников и «бизнесменов» часто управляли делами своих мужей, когда те уезжали. В бедных домах женщины занимались размалыванием зерна, пекли хлеб, готовили пиво, ткали, шили одежду. И никто не ждал от них, что они будут чинить электроприборы, прочищать канализацию, обсуждать политические вопросы, управлять машиной, хорошо готовить сухой мартини – или станут специалистами в диетологии, детской психологии, дизайне, бридже и теории всеобщего образования.

По сравнению с женщинами многих других культур жены египтян имели очень мало поводов для недовольства. Их уважали как хозяек дома, от их мужей требовалось доброе к ним расположение. Дети были привязаны к матери и относились к ней почтительно. Ее права на собственность защищались, и, по крайней мере, одно время при разводе жене полагалась треть имущества, приобретенного супругами за время брака. Хотя дети были весьма желанны, у меня нет сведений ни об одном случае развода из-за бесплодия жены – у многих народов даже сейчас это достаточное основание для развода (заметим в скобках, что в полигамных обществах подобная проблема решается легче).

Существовало только одно серьезное преступление против брака – неверность. Поскольку ни одного кодекса древнеегипетских законов до нас не дошло, мы вынуждены использовать косвенные источники по этому вопросу: на основании нескольких повество-

ваний можно судить, что супружеская измена – по крайней мере, со стороны жены – была опасной игрой. Существует история о великом волшебнике и его неверной жене. Эта женщина серьезно искушала судьбу, задумав изменить мужу столь опасной профессии; он, разумеется, тотчас обо всем узнал. Любовник жены был брошен в пруд к крокодилам, которые, надо думать, обошлись с ним не слишком любезно. Неверная жена по распоряжению царя была погребена заживо. В другом рассказе жена-грешница, замыслившая измену, но еще ее не совершившая, была убита мужем, а тело ее брошено на съедение собакам.

К сожалению, не сохранилось свидетельств, что происходило с неверными мужьями, однако бесспорно, что неразборчивость – до женитьбы и после нее – осуждалась обществом. Мудрецы древности оставили суждения по этому поводу. Птахотеф писал: «Если ты желаешь, чтобы дружба длилась долго, в доме, куда тебя пускают, как сына, брата или друга... не приближайся к женщине... Не делай такого... это истинная мерзость». Мудрец более позднего времени, Ани, предостерегает: «Держись настороже с прибывшей издалека женщиной, которую в городе не знают. Не таращи на нее глаза, когда она проходит мимо; не стремись ее познать – женщина, которая находится далеко от своего мужа, словно глубокий омут, водовороты которого беспредельны... Это большое преступление, [достойное] смерти».

Существует распространенный трюизм, что в Древнем Египте были в обычае браки между братом и сестрой. Я всегда с подозрением отношусь к «общепринятым мнениям» и с большим удовлетворением должна сообщить на основании собственных исследований, что это широко распространенное представление лишено оснований. Несколько лет назад мои выводы были подтверждены исследованиями профессора Ярослава Черны; его имя заслуживает упоминания не только потому, что он усомнился в господствующем мнении, но и потому, что он проделал колоссальную – и крайне трудоемкую – работу, чтобы прийти к окончательным выводам. Профессору пришлось изучить сотни надписей, разыскивая малейшие крохи информации о брачных отношениях. Очень затрудняло работу то обстоятельство, что во времена Восемнадцатой династии – если не раньше – слово «сестра» значило то же, что и «жена», а в любовных стихах оно еще заменяло слово «возлюбленная». С уверенностью утверждать, что муж и жена являются также и братом и сестрой, можно было только в тех случаях, когда были названы родители мужа и жены, причем одни и те же у того и у другой, а такое встречалось редко. Тем не менее профессор Черны нашел достаточно примеров, чтобы прийти к определенным выводам – и эти выводы оказались ошеломляющими. Во времена Среднего царства он обнаружил всего несколько возможных случаев брака брата и сестры, но один из них опирается лишь на предположение, что слово «сестра» не употреблялось в значении «жена» до Восемнадцатой династии. В других случаях совпало имя матери – довольно обычное в тот период. Профессор Черны не нашел в Восемнадцатой династии ни одного случая, когда о браке между братом и сестрой можно было бы сказать с уверенностью. Из этого мы, конечно, не вправе делать вывод, что такого вообще не случалось, поскольку данных по всем египетским бракам у нас нет; но если свадьбы между родственниками и быши разрешены, они происходили нечасто, что противоречит популярной теории.

Простые египтяне обычно не заключали браков со своими сестрами. Цари же это определенно делали – не всегда, но часто. Почему?

2. ЦАРИЦА

С этой точки зрения следует внимательно обсудить вопрос о роли царицы в наследовании трона. Излагая свои взгляды, я не могу избавиться от некоторого смущения. В своей книге я стремлюсь предоставить читателю всю информацию о тех проблемах, по поводу которых египтологи не выработали общую точку зрения, но в данном случае я не согласна

со всеми египтологами столь основательно, что не могу двигаться дальше, не объяснив причины своего несогласия.

Традиционная теория утверждает, что царица не могла править, но именно через нее переходило право наследования трона. Право это переходило от матери к дочери, и только тот, кто вступал в брак с наследницей – будь он сыном царя или нет, – имел право законно занимать престол. С этой точкой зрения вы можете познакомиться в большинстве книг в Египте. Это мнение распространено так широко, что почти невозможно разобраться, когда и как оно возникло. Во всяком случае, в 1890-х годах, когда сэр Джеймс Фрейзер опубликовал «Золотую ветвь», он писал: «Г-н Уильям Питри уверял меня, что все египтологи признали постулат о наследовании царской власти по женской линии».

Сэр Джеймс занимает меня в данном случае потому, что он наряду с другими антропологами как раз тогда обнаружил матриархат в первобытном обществе. По их суждению, большинство, если не все, первобытных сообществ управлялись женщинами. Богиня-мать, символ плодородия, была главной богиней, а женщина-мать – главой семьи, возможно даже у целого племени. Все это происходило на заре истории, до появления письменности; ко времени, когда возникли древние цивилизации, мужчины взбунтовались и взяли верх. Но следы старого порядка вещей сохранились в религиозной практике, праве наследования, в обозначающих родство терминах и так далее.

На первый взгляд эта теория кажется обоснованной. Физическая связь ребенка с матерью очевидна, а роль отца порой темна. В начале XX века в Австралии существовали племена, в которых и не подозревали о роли мужчин в зачатии. Детей приносили духи. Европейцы нашли это наивное мнение в высшей степени забавным. Фрейзер поведал в своей книге трогательную историю об австралийце, чья жена родила ребенка после того, как тот целый год находился в отсутствии. Австралиец не мог понять, почему европейцы, на которых он работал, постоянно над ним подшучивают.

Следует признать, что роль мужчин в зачатии действительно не очевидна. Некоторые замужние женщины вообще не беременеют, а некоторые девушки, отрицая, что имеют контакты с мужчинами, «вдруг» оказываются беременными. Временной промежуток между зачатием и первыми признаками беременности довольно велик; только через пять месяцев эмбрион начинает подавать признаки жизни; лишь движение плода указывало неолитической женщине со всей определенностью, что она беременна. Первобытная женщина не могла связать свою беременность с чем-либо, кроме еды, сна или посадки растений; нет ничего удивительного в том, что у примитивных народов половой контакт не связывали с беременностью до того, как не возникло более сложное представление о физиологии. Мы вполне можем согласиться с тем, что первобытный человек не знал, кто его отец.

Но от признания факта, что в первобытном обществе рождение связывалось исключительно с женщиной, – а факт этот, заметим, не подкреплен ни единым *свидетельством* из доисторических культур, – достаточно далеко до утверждения, что в этом обществе господствовал матриархат. Даже если доисторический человек знал лишь свою мать, вовсе не обязательно, что именно поэтому он желал видеть ее вождем племени. Физическая и политическая сила не нуждается в опоре на происхождение.

Суровая истина гласит, что мужчина всегда сильнее женщины. В доисторические времена, до начала возделывания сельскохозяйственных культур, люди занимались охотой. Именно мужчины приносили пищу, от которой зависело существование семьи или племени. Деторождение в те времена было не преимуществом женщины, а ее слабостью. Каждый год на протяжении нескольких месяцев она передвигалась с трудом, медленно и неуклюже. Ребенок, как и в наше время, выбирал для рождения время, которое было удобно ему, но оно могло быть крайне неудобным для женщины, если роды происходили во время кочевья, войны или в разгар уборки урожая. Даже допуская, что первобытная женщина была физи-

чески немного крепче нынешних изнеженных женщин и меньшее время была физически недееспособна во время беременности, ей все же требовалось какое-то время на ребенка; я просто вижу, как ее стройный супруг перебирает ногами, пока племя уходит все дальше, нетерпеливо поглядывает на движущееся по небу солнце и поторапливает свою супругу. Следует помнить также, что деторождение – вещь опасная. Возможно, смертность у неандертальцев была и не столь высокой, как в XIX веке, когда ученые доктора заносили бактерии родильной горячки из анатомичек в родильные отделения, но некоторые первобытные женщины действительно умирали при родах. Может, это мое мнение и пристрастно, но мне кажется, что беременный вождь – это не подарок для любого племени, особенно для странствующего в поисках добычи.

Можно считать доказанным, что женщины обрели независимость только с появлением агрикультуры. Первыми земледельцами, по всей видимости, были женщины, и некоторые проницательные неандертальские мужья, должно быть, заметили связь между плодородием земли и их собственных жен. Это могло привести к обожествлению если и не женщин, то женского начала. Но древнейшие статуэтки, символизирующие, как полагают, матерей-богинь, относятся к палеолиту, а не к неолиту, то есть мы возвращаемся к пещерному человеку – со слезами на глазах и дрожащими губами склонившемуся над своей женой, когда она с улыбкой протягивает ему сына...

Нет, концы с концами не сходятся. Если основываться на фактах, придется отбросить как совершенно несостоятельную теорию о первобытном матриархате. А раз матриархата не было, исчезает и базовый тезис, на котором основывается теория о переходе власти в Египте по женской линии.

В самом деле, если мы изучим историю внимательно, то обнаружим, что наследование по женской линии постоянно прерывалось «исключениями из правила». Этих исключений чересчур много, и вразумительных объяснений этим исключениям никто не дал. Я не буду утомлять читателя подробным их перечислением, но если кто-то изучал египетскую историю, он, возможно, сразу вспомнит о нескольких подобных исключениях (самое известное из них – Ти и Нефертити, мать и жена Эхнатона). Одно-два исключения могут подтвердить правило, но обилие исключений требует поиска нового правила. Я бы объяснила правила наследования трона в Древнем Египте простейшим принципом – царь передавал свою власть старшему сыну своей главной жены. Если главная жена имела только дочерей, право наследования переходило к дочери, но в этом случае ей подбирали жениха, предположительно из сыновей царя от второй жены или от наложницы. Этот человек и становился царем. Поскольку женщины не могли править, наследница династического трона должна была обрести мужа, но если наследовал власть сын царя, он обладал всеми правами.

Должна сказать, что подобная схема наследования трона не очень популярна среди египтологов. Причина заключается в том, что выдвинутая когда-то гипотеза о наследовании по женской линии никогда не подвергалась серьезному изучению; никто не сомневался в теории браков между сестрами и братьями, вплоть до тщательного исследования вопроса профессором Черны. Конечно, из-за того, что профессор разрушил одно традиционное представление – о наследовании по женской линии, – еще не следует, что неверно и другое – о матриархате, – но все же профессор создал обнадеживающий прецедент.

Поскольку мы в своих рассуждениях дошли до женщин на троне, поговорим о них подробнее. Их роль можно назвать уникальной. Во все периоды египетской истории царицы были «первыми леди» страны. Даже во время Первой династии встречаются гробницы цариц столь же большие и искусно оформленные, как и у царей. Цари, возводившие пирамиды, создавали небольшие пирамиды и для своих жен; сравнение размеров пирамид тотчас наводит на мысль, что, как бы ни было высоко положение царицы среди прочих женщин, по сравнению с царем это положение было намного скромнее. Полные титулы цариц

в надписях предполагают ее высокий статус. Один из подобных титулов трудно перевести дословно, но, если постараться, не слишком отступая от текста, передать его смысл, можно предложить следующий перевод: «Та, для которой все, что она говорит, делается». Весьма впечатляет, если это правда. Согласно легенде, Древнее царство завершилось единоличным правлением царицы. Бышо ли правление женщины причиной упадка или только его симптомом, мы сказать не можем.

Хотя царицы имели высокое положение еще на заре истории Египта, ко времени Восемнадцатой династии их влияние значительно возросло. Судя по всему, женщины на троне фиванского дома, объединившего Египет после вторжения гиксосов, были выдающимися личностями; их глубоко почитали мужа, сыновья и даже внуки. Кроме того, эти женщины располагали реальной властью. Возможно, царицы более ранних династий исполняли обязанности регентов при малолетних сыновьях или во время отсутствия мужей, но ни одна из них не была так известна, как женщины Восемнадцатой династии. Зенит влияния женщин пришелся на правление Хатшепсут, женщины-царя, отнявшей трон у своего юного племянника. Она правила Египтом на протяжении более чем двадцати лет. Похоже, Хатшепсут кончила весьма плохо, но это не помешало появлению в дальнейшем новых цариц. Столетием позже Аменхотеп III женился на бедной простолюдинке Ти, которую преданно любил. Из относящихся к тому времени посланий иностранных монархов видно, что Ти участвовала – вполне весомо, хотя и неофициально – в управлении государством. Сначала она добилась первенства в гареме, а затем заняла более высокое положение, чем царские дочери и знатные дамы. Ее сын Эхнатон не только относился с глубоким почтением к матери, но и предоставил большие права собственной супруге. Если верить дошедшим до нас статуям, Нефертити была очень красивой, так что Эхнатона понять нетрудно; но, по таким же свидетельствам, Ти красотой не блистала. Впрочем, возможно, она обладала тем, что мы называем сексапильностью.

Хатшепсут была не единственной женщиной, управлявшей Египтом. Судя по всему, на троне в разное время восседали по крайней мере еще три женщины. Две из них фигуры столь неясные, что понадобилось немало времени, чтобы доказать, что они вообще когда-нибудь существовали. Не сохранилось никаких записей о их деяниях. Еще одна царица, Таусерт, иногда упоминается с титулом «царь». На ней завершилась Девятнадцатая династия, тогда как две вышеупомянутые царицы завершали Шестую и Двенадцатую. Но и о Таусерт мы знаем очень мало; любопытно то, что Таусерт, возможно, не была дочерью царя, и это выглядит особенно странно – ведь и просто как женщине ей было особенно трудно претендовать на трон. Хатшепсут же несомненно была великой женщиной-узурпатором. Нарушение ею традиций заключается не только в том, что она осмелилась править Египтом, но и в том, что она правила, называя себя царем. Править Египтом как монарх должен был мужчина; титул, хвалебные надписи и все церемонии предназначались для мужчин, в традициях и взглядах это укоренилось так глубоко, что женщине было гораздо легче приспособиться к существующему порядку вещей, чем вносить изменения, соответствующие ее полу.

В постимперский период некоторые женщины на троне приобрели права, которые, возможно, давали существенную политическую власть. Новые права царских дочерей-девственниц удостоверял титул «супруга бога»; во времена Нового царства этот титул сделался чисто религиозным и принадлежал всем царицам. По всей видимости, титул говорил об интимных отношениях царицы с богом Амоном, который был, согласно легенде, отцом ее царственного сына. Царевны более позднего времени, носившие тот же титул, могли также считаться и невестами Амона-Ра, но их браки не были благословлены потомством. Они не вступали в брак, не брали себе земных мужей и жили в Фивах, где имели некоторую власть как верховные жрицы Амона. Поскольку столица Египта в те времена располагалась в Дельте, это позволяло царю иметь своего «вице-короля» на юге – тем более ценного, что этот

«вице-король» правил от имени царя, а не от своего собственного. Так как «супруга бога» не могла иметь детей, она удочеряла царевну, наследовавшую власть после своего отца; эта девушка в свою очередь принимала титул «супруги бога», когда умирала ее приемная мать.

Титул «супруга бога», возможно, давал некоторые привилегии благодаря связанным с ним отношениям с Амоном, но титул «мать бога», который иногда встречается рядом с именем царицы, по всей вероятности, означает «мать обожествляемого царя». Царь был богом одновременно в нескольких смыслах; он был не только Гором, но и сыном бога Ра, а позднее – Амона. Египтян не волновало такое явное противоречие. Ра и Амона они, скорее всего, считали проявлениями одной и той же сверхъестественной силы, и Амон определенно был божественным отцом царя; два не связанных друг с другом набора барельефов демонстрируют его отцовство совершенно ясно. Хотя бог посещал царицу в виде ее смертного мужа, он, естественно, предупреждал ее о своем истинном имени, что весьма ее радовало.

Царица или простолюдника, египетская женщина вела относительно приятную жизнь, и нам нет нужды обращаться к сомнительным теориям вроде гипотезы о первобытном матриархате, чтобы объяснить высокое положение женщины в обществе. Египтяне были цивилизованным народом в широком смысле слова, они были вежливыми, дружелюбными, справедливыми. Нет нужды объяснять, почему они хорошо относились к своим женщинам; скорее требует объяснения, почему этого нет у других народов. Представление о первобытном матриархате, видимо, зародилось в XIX столетии, во времена, когда на женщин смотрели как на бесполок ангелов и когда к ним относились как к несмышленным детям; возможно, гипотеза о матриархате была одной из попыток бородатых ученых мужей викторианской Англии увидеть в других культурах нечто похожее на их обычаи.

Глава 5 «Одень ее спину»

Ожерелье

1. ОДЕЖДА

Похоже, страсть к одежде у женщин врожденная, излечению она не поддается (это относится и к мужчинам, хотя они не желают это признавать). Во все времена и во всех странах женщины облагали доходы своих мужчин налогом, призванным обеспечить им красивый внешний вид. Нет нужды упоминать, что моды в разных странах были самыми разными; некоторые из фасонов даже недавнего времени выглядят сейчас смехотворными, а наряды «высокой моды» других культур могут показаться просто нелепыми.

Египетский макияж и женские наряды настолько чужды нам, что кажутся совершеннейшей экзотикой. Примечательно, что для одежды использовали только один материал – полотно; шерсть с точки зрения ритуальной считалась нечистой, а хлопок и шелк долгое время не были известны. Однако и полотно позволяло создавать довольно разнообразные наряды. Египетские ткачи были искусными, и ткань они производили самую разнообразную – от простого, обычного полотна до тонкого полупрозрачного газа.

Обычная одежда женщин времен Древнего царства

Египетская версия нашего, пригодного для любого случая «черного платья» представляла собой тесно облегающую фигуру платье от уровня чуть выше груди до колен. На плечах платье держали широкие тесемки, оставлявшие большое декольте. Именно такие наряды чаще всего можно видеть на статуях и раскрашенных рельефах, хотя неопытный глаз может разглядеть их не сразу, из-за условностей египетского искусства, которые сильно искажали женскую анатомию. Обычно одну грудь изображали в профиль, а вторая угадывалась только аккуратным круглым соском в условно выбранном месте. Тесемки одежды изображались «анфас», они напоминают тесемки вышедших сейчас из моды купальных костюмов. Иногда на статуях и рисунках трудно вообще разглядеть какую-нибудь одежду, кроме пары тесемок и обозначенной на месте ожерелья линии. Очевидно, платья шили так, чтобы они облегли фигуру как можно плотнее, и, возможно, при этом выбирали тонкий материал. Такая мода вполне подходит стройным и грациозным, но я задаю себе вопрос: как чувствовали себя в подобных нарядах дамы дородные? Может, они набрасывали на себя накидки, которые были весьма кстати в прохладные вечера. По выбору обладательниц накидку можно было надеть на одно плечо, перебросив другой край через руку, либо просто прикрыть оба плеча, как шалью или палантином.

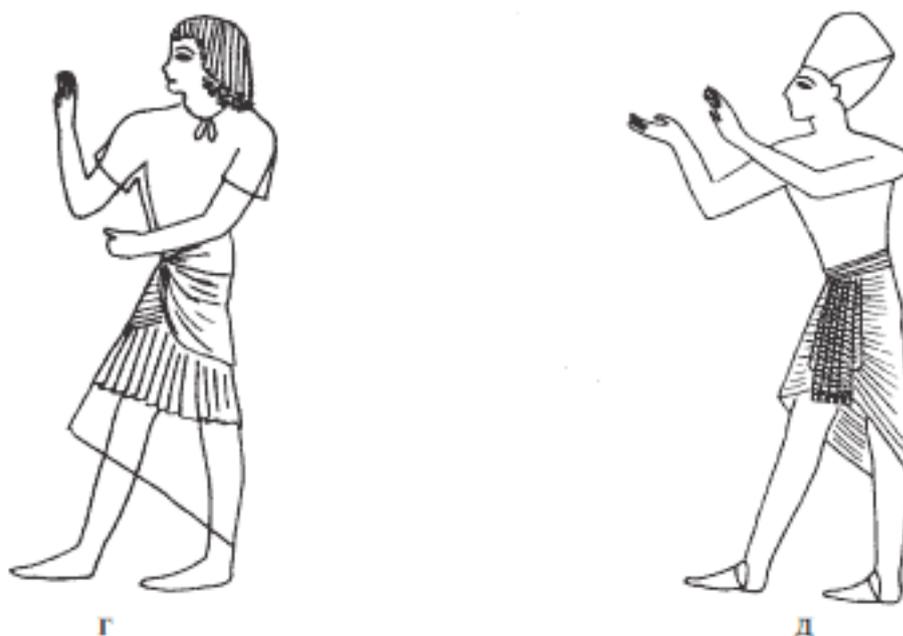
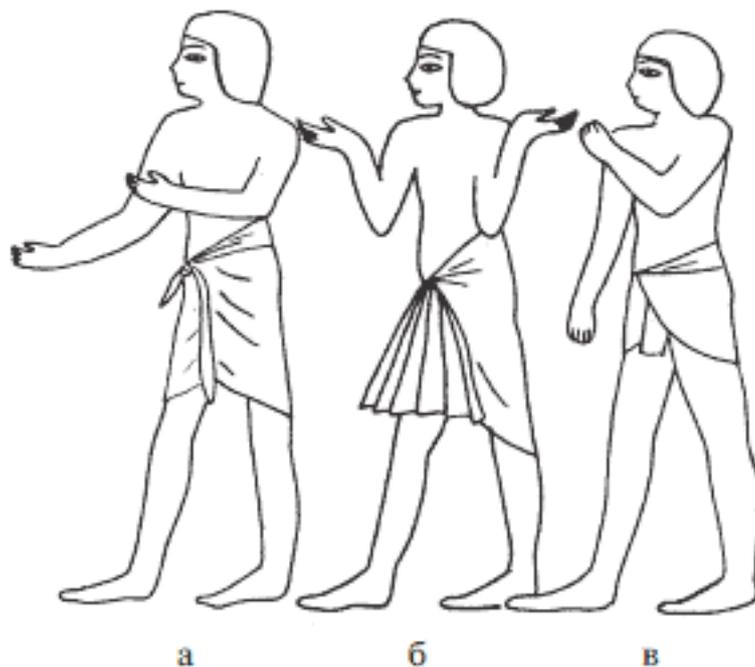

Изысканное женское платье времен Нового царства

С усложнением общественного строя в целом у состоятельных людей появилась новая мода. Это был наряд из самого легкого полотна, собранного в мелкие складки. На плечи набрасывали накидку, концы которой завязывали на груди; это создавало эффект широких плеч. Ткань накидки также была собрана в складочки. Увы, изображений тучных дам не сохранилось. Эти наряды были не только полупрозрачными, но и не застегнутыми спереди от груди до лодыжек, они ниспадали свободно, если только талия не была стянута ярким вышитым или отделанным золотом кушаком. Концы кушака спускались почти до земли. Под платье скромная дама могла надеть нижнюю рубашку, какую носили в Европе в недавнем прошлом, однако некоторые из дам, похоже, вообще ничего не надевали.

Возможно, не существовало в истории времени, когда мужчины одевались бы столь однообразно, как сейчас, когда изменения в одежде ограничены числом пуговиц или шириной отворотов. Интерес к смене фасонов, подобный женскому, мужчины проявляют не часто; я подозреваю, что египетские мужчины, напротив, с интересом обсуждали новый воротник Сетнахте и живо интересовались у Аменхотепа, где он раздобыл новую плиссированную юбку. Юбка – иногда очень короткая – была основной одеждой мужчин; штаны были уделом далекого будущего. Юбка имела несколько видов. Чаще всего она представляла собой полотняный треугольник, длиной до колена, который оборачивался вокруг талии и закреплялся спереди узлом или поясом или же просто перехлестывался и затыкался за пояс. Позднее древнеегипетский Бо Браммел решил надеть плиссированную юбку; его соперники удлиннили юбку и собрали длинные концы в ряд складок, отчего спереди появилось что-то вроде плиссированного передника. Другие соперники, наоборот, укоротили кусок ткани и два ее конца подняли спереди к талии; образовавшийся спереди открытый промежуток закрывал кусок более плотной материи, который служил как бы ножнами для фаллоса.

Самая же изысканная мужская одежда напоминала наряд женщины: легкая, длинная и с плиссировкой. Мужчина мог надеть и одеяние из двух предметов: плиссированной юбки и рубашки с широкими плиссированными рукавами. У такой рубашки не было воротника, и она завязывалась на шее.

Мужские юбки – различные типы:

а, б, в – простолюдины; *г* – вельможа, в рубашке и прозрачной верхней накидке; *д* – царь, с изысканным кушаком и в синей короне

Костюм вельможи времен Нового царства

Существовало несколько разновидностей одежды, в зависимости от рода занятий владельца. Работники в поле – как мужчины, так и женщины – носили только набедренную повязку или короткую юбку. Искусные акробаты и маленькие хрупкие девушки, обслуживавшие гостей на приемах, имели на себе лишь узкие пояса и бусы. Даже рабочие костюмы мужчин были более разнообразными; некоторые из них можно назвать униформой. Везир носил ниспадающий неплиссированный наряд, спускающийся с уровня подмышек до колен; это одеяние держалось на узких тесемках. Моряки, судя по всему, предпочитали носить несколько странную для нас одежду, изготовленную из грубой сетки с кожаной заплатой сзади, которая предохраняла кожу во время гребли. Самым живописным было одеяние, в которое облачался *жрец-сем*: шкура леопарда, наброшенная таким образом, чтобы оскаленная пасть лежала на груди.

Наряд жреца-сема

Большинство египтян ходило босиком, но, когда человек хотел принарядиться, он надевал сандалии. Даже самые бедные могли себе позволить сандалии из папируса, но, конечно, эти сандалии не могли служить долго; кожаные были более практичными. Найденная в захоронениях золотая и серебряная обувь, по всей вероятности, использовалась только для похорон. Она была бы крайне неудобной в жарком египетском климате, хотя и тогда люди ради красоты могли многое вытерпеть.

Наши представления о египетском костюме по большей части почерпнуты из рисованных изображений и скульптур. Сухой жаркий климат Египта сохранил многие хрупкие материалы в отменном состоянии, однако, к нашему сожалению, мумии погребали без одежды. У нас есть всего несколько образцов одежды, которую действительно носили египтяне, и эти образцы дополняют представления, которые мы можем составить по скульптурам и рисункам.

Возможно, мы никогда бы не узнали, насколько разнообразным и изысканным был гардероб египетского фараона, если бы лорд Карнарвон и Говард Картер не открыли гробницу Тутанхамона. Золотые гробы и маски, ларцы и ювелирные украшения затмили собой менее впечатляющие, но не менее важные предметы. Среди них были и некогда носимые Тутанхамоном наряды, тщательно уложенные в ящики и сундуки, чтобы фараон мог выглядеть в загробном мире столь же величественно, как и при жизни. До наших времен дошли ювелирные украшения, принадлежавшие некоторым царицам и царевичам, но ни единого образца их одежды; мы не получим их, пока не найдем какую-нибудь нетронутую гробницу – если вообще найдем.

Одним из первых предметов, обнаруженных взволнованными исследователями гробницы Тутанхамона, был ярко раскрашенный ларец с изображенными на его стенках сценами царской охоты и участия царя в битве. Изображения эти так великолепны, что невольно забываешь, что ларец имел и чисто утилитарное предназначение. Он служил для хранения; в него уложено много вещей: четыре пары сандалий, подголовник, наряды, перчатка, перчатка лучника, головные уборы, набедренные повязки и разнообразные куски материи. Опи-

сание Картером того, как он разбирает содержимое ящика после извлечения его из гробницы, служит хорошим примером для археологов в изучении старины, а также объясняет, почему у Картера заняла целых пять лет расчистка четырех небольших помещений.

Открыв сундук в первый раз, Картер обнаружил на самом верху пару сандалий; слева от них лежал свернутый узел, в котором опытный глаз Картера сразу распознал царский наряд. Поверхность этого наряда покрывала сеточка из фаянсовых бусинок, собранных в квадраты. Каждый второй квадрат был заполнен золотыми блестками. Вдоль краев одежды шла кайма из маленьких цветных стеклянных бусинок⁷, тоже собранных в узоры. Эти узоры еще можно было разобрать, хотя нити, которые держали бусинки на месте, давно истлели, и малейшее движение могло привести к тому, что они оторвутся.

Картер сам впоследствии с трудом верил в то, что извлек этот уникальный наряд из сундука, сумев сохранить узор. Строго говоря, гробница Тутанхамона не была нетронутой – в древности в нее наведывались грабители, и, хотя они взяли с собой не многое, они все же вытащили все содержимое из ящиков и сундуков в поисках легко переносимой добычи. Наряд, о котором шла речь, был брошен на пол; жрецы, возвращавшие гробнице первоначальный вид, не стали аккуратно складывать одежду царя – они просто свернули ее в узел и засунули в сундук.

Ткань, выглядевшая на первый взгляд прочной, рассыпалась под пальцами Картера, как только он пытался осторожно до нее дотронуться. Чтобы увидеть следующий слой одежды, пришлось пожертвовать верхним слоем ткани. Картер стоял перед выбором – ткань или узор. Был выбран – весьма разумно – узор. Переноса узор из бусинок фрагмент за фрагментом, Картер восстановил его предполагаемый вид.

Сандалия Тутанхамона

Только когда эта кропотливая работа была завершена, Картер начал исследование содержимого сундука. К счастью, сандалии оказались в хорошем состоянии, извлечь их удалось без проблем. Под нарядом и сандалиями обнаружилось еще три пары сандалий, внешне

⁷ Следует напомнить читателю, что стекло в Древнем Египте считалось редкостью и было в буквальном смысле дороже золота. (Примеч. ред.)

похожих на те резиновые, что в наше время носят на пляже. Один ремешок у них начинался у большого пальца и соединялся с другим ремешком, охватывавшим подъем ноги. На одной паре сандалий Тутанхамона центральный ремешок сделан в виде лотоса. Ствол этого лотоса выложен мельчайшими драгоценными камнями, цветок отделан полосками, изящно изогнутыми и украшенными инкрустацией. Третья пара обуви представляла собой шлепанцы. Они не имели каблучков, их носки были изготовлены из кожи, а стороны выложены маленькими золотыми блестками.

Под сандалиями Картер с глубоким сожалением обнаружил разложившуюся массу, которую невозможно было восстановить. Как он предположил, раньше это было семь разных одеяний, связанных в узел; их покрывали блестки и розочки из драгоценных металлов.

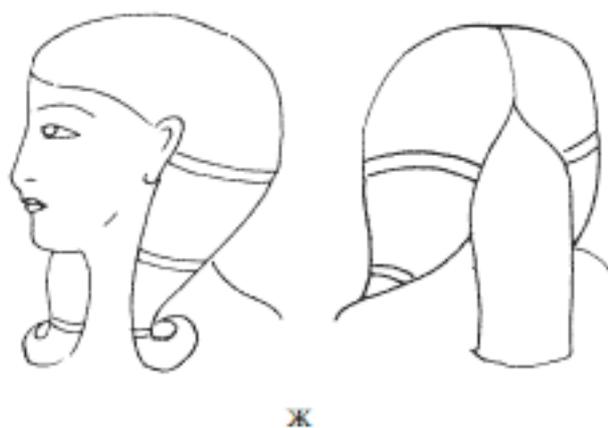
Еще два наряда, спешно завязанные в узел и положенные в один из ящиков в пристройке к гробнице, выдержали испытание временем несколько лучше. По мнению Картера, они представляли собой одежду для церемоний. Наряды выглядели как длинные свободные ризы с узорами ручного плетения и бахромой. На одном была вышита карликовая пальма, цветы пустыни и животные – эти изображения шли вдоль каймы и вдоль ворота. Другой был покрыт вытканными разноцветными розочками, цветочками и картушами; у ворота был узор в виде раскинутых в стороны крыльев сокола.

Насколько я знаю, не обнаружены барельефы, которые изображали бы царя в подобного рода нарядах. Не встречалось и изображений шлепанцев, что были найдены в гробнице Тутанхамона. На некоторых статуях мужчины и женщины одеты в вышитые платья или одеяния с плетеным узором, но таких изображений очень мало. Это заставляет задуматься, насколько достоверны наши представления, возникшие на основании подобного рода источников. Возможно, условность египетского искусства не только определяла позы, но и ограничивала художников в изображении одежд. Мы не можем с уверенностью сказать, что скульптуры точно воспроизводят детали – к примеру, тесемки на плечах женской одежды. Исходя из этого, некоторые авторитеты высказывают предположение, что женские платья облегали фигуру не так плотно и не были такими простыми, как это видно на рисунках. Конечно, мы не можем что-либо сказать по этому поводу с уверенностью, но я не вижу причин, по которым платья не могут быть простыми и облегающими. У египтян не было комплексов по поводу наготы. Однако их нельзя считать и нудистами, как это утверждают некоторые нудистские журналы, поскольку нудизм в современном смысле этого слова предполагает сознательное нарушение общепринятых норм. Обычно половые органы взрослых мужчин и женщин были скрыты под одеждой, но вся остальная часть тела оставалась обнаженной, если только этому не препятствовали погода или соображения удобства.

2. ПРИЧЕСКИ

У меня есть основание полагать, что наряду с художественными канонами у египтян были и строгие каноны относительно причесок, хотя следует признать, что типов причесок было немало. Мужчины столь же внимательно относились к моде в этой области, как и женщины. Волосы у дам обычно были длинными, хотя во времена ранних династий встречались и «мужские» короткие прически. Чаще всего густые и волнистые волосы свободно падали вниз из-под ленты на голове или венка из цветов; но некоторым эта прическа казалась чересчур простой. Временами женщины заплетали волосы во множество тонких косичек или разделяли на локоны, перевязанные золотыми лентами. Иногда волосы кажутся взбитыми и напоминают пышные прически сегодняшнего дня. Но в прическе египетской дамы были волосы, а не воздух, – когда ее собственных локонов не доставало, она подкладывала пряди чужих волос. Если ей не нравился черный или каштановый цвет, она могла покрасить волосы в рыжий при помощи хны.

В «классическое» время Древнего царства мужчины часто носили простые короткие прически, подобные тем, что распространены в наши дни. Популярной была подстриженная на лбу, длинная, до плеч, прическа, из крутых локонов, завитых в строгие ряды. Для Среднего царства характерна прическа в виде «платка» с падающими на лоб челками, которые по краям лба сходили на нет. Во времена Нового царства по стране распространилась новая прическа – по крайней мере, среди вельмож. Она имела два слоя. Верхний состоял из тонких, длинных, размером с сосиску завитков; нижний слой представлял собой ряды более коротких завитков или же завитых локонов, свисающих до плеч.

Стили причесок Древнего и Среднего царств:

а, б, в – прически мужчин; Древнее царство; *г, д* – женские стили при Древнем царстве; *е* – типичная мужская прическа при Среднем царстве; *ж* – женская прическа при Среднем царстве, вид спереди и сзади

Стили причесок Нового царства:
а – стили мужчин; *б* – стили женщин

Во времена Восемнадцатой династии этот завитой мужской парик имел две разновидности – длинную и короткую. Короткий тип, иногда называемый (совершенно безосновательно) «нубийским стилем», носили также и женщины при дворе Эхнатона. По этой причине некоторые из скульптурных изображений периода Эхнатона очень трудно идентифицировать. Предполагают, что появление мужского стиля в женской моде – одна из «упаднических» черт, появление которых некоторые ученые относят к еретику Эхнатону и его семье. Мы в наше время тоже кое в чем находимся в состоянии упадка, так что популярность подобных причесок у нашей молодежи, возможно, подтверждает такой тезис. Однако дамы Четвертой династии – периода классической царской власти, не запятнавшей себя какими-либо недостойными чертами – также носили мужские прически. Может быть, мода на одежду и прически и имеет какое-то отношение к прогрессу или регрессу культуры, но пока что этого никто не доказал.

Зачесанная наверх прическа женской мумии

Я уже писала о своих подозрениях, что рельефы сообщают нам о прическах далеко не все. Это подозрение подтверждает найденная мумия женщины средних лет. На ее голове сохранилась крайне необычная для египетских женщин прическа. Конечно, за прошедшее время она потеряла свой первоначальный вид, но, судя по ее современному состоянию, эта дама зачесывала волосы вверх и завивала их волнами над ушами и в напоминающие соску завитки на макушке. Это совсем не вписывается в наши представления о внешнем облике египтян, и я не помню ничего подобного ни на одном из дошедших до нас изображений.

Многие изысканные прически – как женские, так и мужские – представляли собой парики из чужих волос. Образцы таких париков дошли до наших дней. На некоторых статуях и изображениях можно, если постараться, увидеть под париком настоящие волосы владельца.

Как правило, растительность на лице у египетских мужчин встречалась редко. Иногда мужчины носили маленькие аккуратные усы или короткую бородку, нечто вроде эспаньолки. Но египетские горожане, как и жители деревень, обычно чисто брились. Длинные твердые бороды, которые носили цари во время церемоний, были искусственными.

3. ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ И КОСМЕТИКА

Хотя иногда платья и верхняя одежда были вытканы из нитей разного цвета, обычно египтяне предпочитали белую одежду, краски на которой присутствовали в виде орнаментов. Египетские ювелирные украшения – просто чудо; мастерство ювелиров раннего времени заслуживает самой высокой оценки. Инкрустация, чеканка, филигрань, золочение и серебрение – в Египте знали почти все техники, известные современным ювелирам. Исключительного мастерства они добились в изготовлении узоров из мелких золотых сферических гранул, сплавлявшихся с золотым основанием. Они умели делать и нечто вроде перегородчатой эмали, но вместо эмали устанавливали в окруженные золотом ячейки драгоценные камни или фаянс.

Для украшений использовали только полудрагоценные камни; за исключением жемчуга, из которого сделано всего несколько вещей, ни один из драгоценных камней египтянам известен не был, хотя изумруды и встречаются в расположенной на востоке от Египта пустыне. Карнелиан, бирюза, гранат, полевой шпат, горный хрусталь и лазурит употребляли чаще всего; однако самым распространенным материалом для ювелирных украшений был фаянс – искусственный материал, изготовленный из кварца, смешанного с клейким веще-

ством и вылитого в твердую форму. Фаянс покрывали глазурью самых разных цветов, чтобы он приобрел вид ювелирных камней; бирюзовый цвет был, по всей видимости, самым популярным.

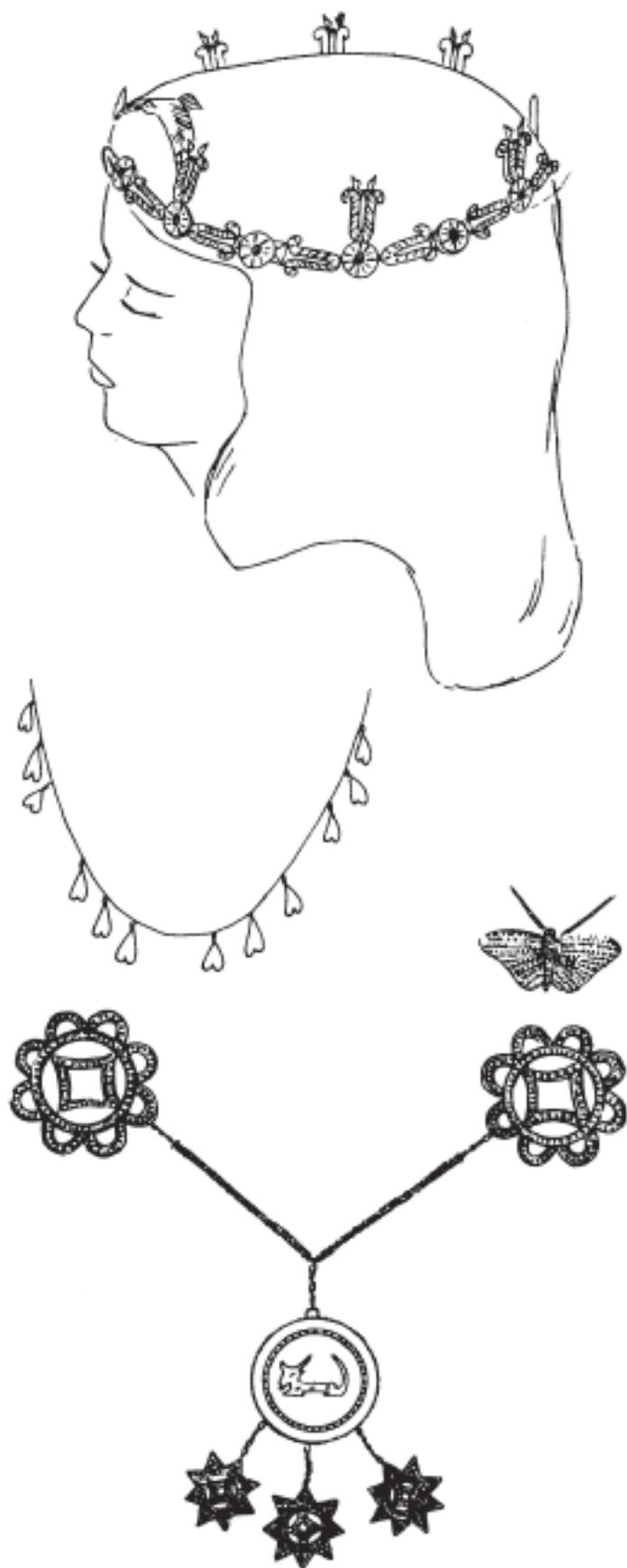
Главными металлами для ювелирных изделий служили медь и золото, медь – для простолюдинов, золото – для людей знатного происхождения. Золото использовали таким, каким его находили, без обработки для увеличения чистоты, так что проба золота в различных изделиях различна. Из-за примесей серебра или железа золото имело разные оттенки – от серого до красно-коричневого. Наиболее часто из этих естественных соединений встречался электрум, состоящий из серебра и золота и имеющий бледно-желтый цвет, а также несколько больший вес, чем золото. Египтяне, видимо, использовали электрум в том виде, в каком его добывали в пустыне из золотиносных жил. Похоже, только один вид окрашенного золота был создан искусственно; это золото имеет приятный розовый оттенок. Его считают продуктом одной из «утерянных египетских наук», которые в наше время многие люди усердно разыскивают. Однако в данном случае разыскивать нечего – такое золото было создано и современными учеными. Этот цвет возникает из-за примеси железа.

На изображениях орнамент крайне беден; к счастью, нам можно не обращаться к древним изображениям для того, чтобы получить представление об орнаменте золотых украшений. Просто удивительно, как много ювелирных украшений дошло до наших дней со времен Древнего Египта – даже несмотря на то, что большая часть была унесена в качестве добычи грабителями гробниц. Помимо знаменитой коллекции из гробницы Тутанхамона, мы располагаем по меньшей мере полдюжиной наборов ювелирных украшений, которые сейчас хранятся в различных музеях.

Среди находок чаще всего орнамент можно видеть на широких гибких воротниках. Сами воротники изготовляли из концентрических бусинок, некоторые из них имели форму животных, цветов или листьев. Воротник закрывал переднюю часть тела от шеи до середины груди, и, поскольку бусины имели яркие цвета, воротник был важной частью верхнего одеяния. Вместо воротника надевали также бусы или подвески. Бусы из нанизанных на веревочку простых бусинок были найдены в таких количествах, что их можно приобрести в частную собственность, когда музеи, имеющие коллекции египетских предметов, устраивают распродажу, но обычно продаваемые бусы имеют малопривлекательный вид. Лучшие, естественно, остаются в запасниках музеев. Подвесные украшения, на веревочке или золотом шнурке, в зависимости от состоятельности владельца, представляют собой как амулеты в виде богов или магических иероглифов, так и изысканные изделия из перегородчатой эмали, рельеф на которых изображает какую-нибудь сцену. Египтяне носили и браслеты – либо гибкие, из нескольких рядов бусин, либо твердые, из меди и золота. Женщины и мальчики, а возможно, и мужчины носили серьги. Волосы поддерживали диадемами или узкой повязкой. Шитые золотом ленты или кольца держали длинные кудри. К ювелирным изделиям относятся также пояса, кожаные браслеты, кольца всех разновидностей – список этот бесконечен.

Самые красивые ювелирные украшения из всех найденных принадлежали принцессе Двенадцатой династии Хнумит. Мне удалось найти лишь несколько хороших фотографий этих прелестных вещиц, но даже фотографии не могут передать всю их красоту. Мои грубые рисунки, возможно, делают это еще хуже, но они позволяют представить размещение украшений на их обладательнице. Показанная на рисунке корона изготовлена из золота со вставками из лазурита, красно-оранжевого карнелиана, красной яшмы и зеленого полевого шпата. Другая корона, самая хрупкая из всех когда-либо носимых царевнами или принцессами какой-либо страны, состоит из очень тонких золотых нитей, на которых разбросаны мельчайшие красные и голубые цветы. Золотые нити местами схвачены вместе крестообразными пряжками из четырех цветков папируса. Дизайн исключительно прост. Бусы прин-

цессы представляют собой простую золотую цепочку с различными подвесками. Некоторые из этих подвесок – такие, как большие звезды и бабочка, – покрыты мелкими золотыми гранулами, в нанесении которых египетские мастера были исключительно искусны. Один предмет необычен – медальон, свисающий на нитях с двух цветков, покрытых ажурным узором из гранул. На бледно-голубом фоне изображен миниатюрный бык с черными пятнами; картинка заключена в золотую рамку и покрыта тонкой пластинкой из горного хрусталя.

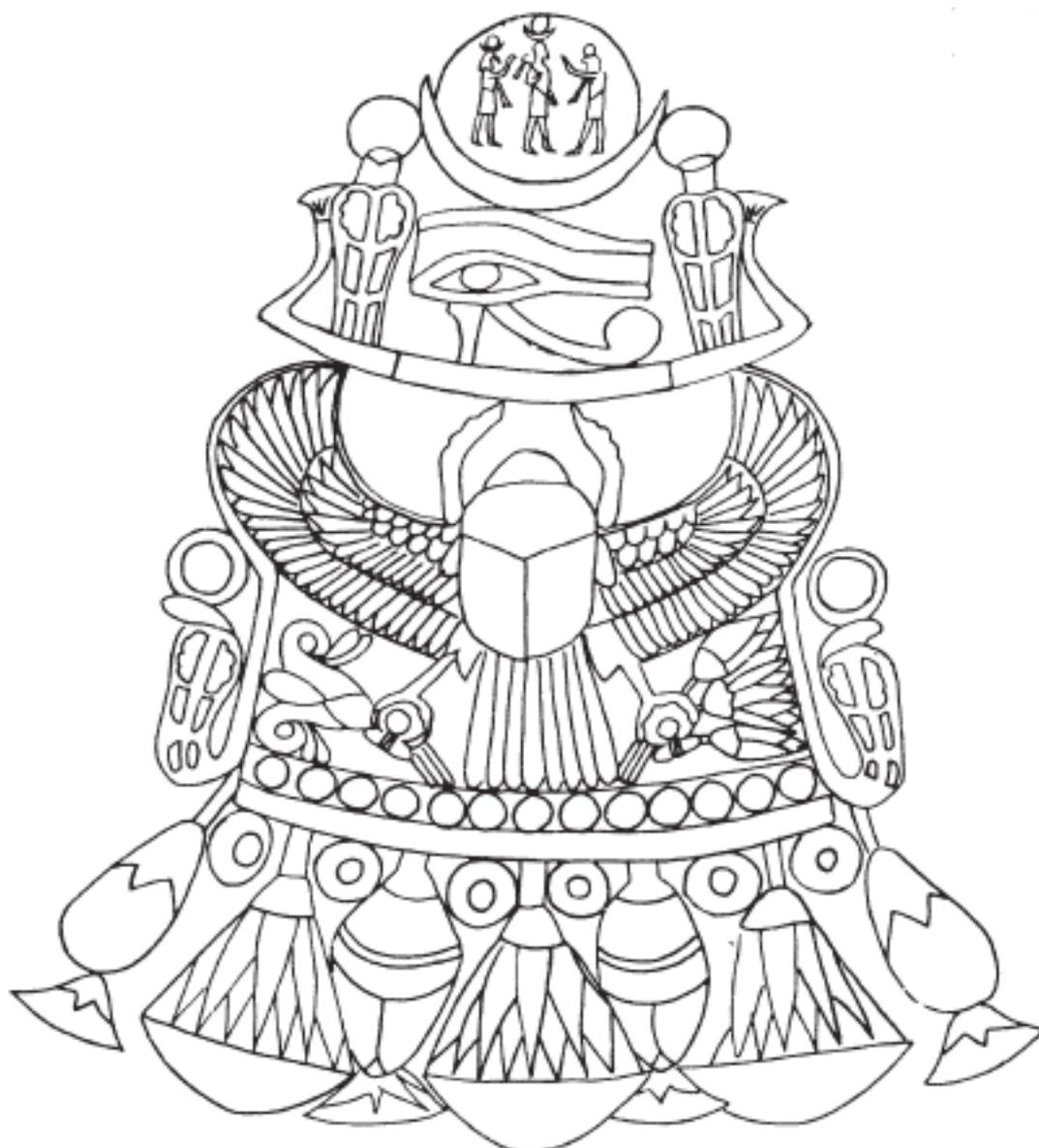

Драгоценности принцессы Хнумит

Ювелирные украшения Хнумит считаются неегипетскими, возможно из-за их исключительной красоты. Но сама технология их изготовления типично египетская и показывает ту высокую степень мастерства, которой достигли ювелиры во времена Двенадцатой династии – и которую впоследствии никогда не превзошли. Миниатюрные изображения для Египта действительно не характерны; высказывалось мнение, что бык имеет критское происхождение, но я ясно узнаю в нем один из египетских иероглифов. Тем не менее трудно сказать, что было на уме у принцессы, когда она заказывала это изделие. Быть может, изображение быка имело для нее какое-то личное значение?

В разных музеях хранится еще несколько украшений принцесс Среднего царства. Более позднее время также представлено достаточно широко. Самая же обширная и самая знаменитая коллекция, без сомнения, осталась от Тутанхамона.

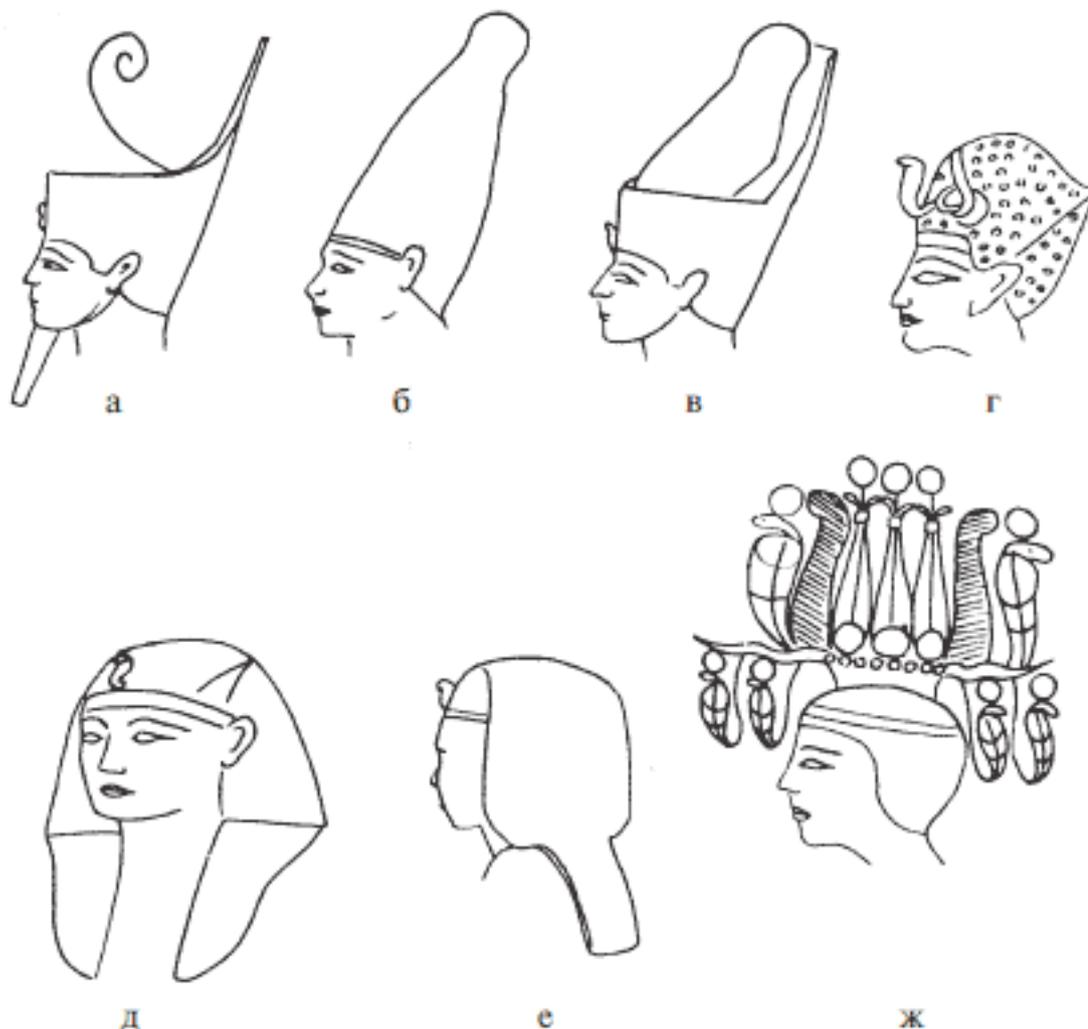
Осматривая коллекцию ювелирных украшений Тутанхамона в Каирском музее, стоя за стендом, мы должны помнить, что она – только часть того, что было захоронено с фараоном. Поскольку ювелирные украшения невелики по размеру и очень ценны, грабители гробниц искали их в первую очередь, и Картер был уверен, что большая часть драгоценностей была унесена. Аккуратные надписи на ящиках перечисляли их содержимое, и по этим надписям Картер сделал вывод, что ларцы с драгоценностями потеряли по меньшей мере 60 процентов из того, что в них было. Подтверждает это и тот факт, что Картер нашел на полу гробницы одежду с привязанными к ней золотыми кольцами, что свидетельствовало как о самом факте ограбления, так и о том, что грабителям помешали – возможно, охрана некрополя.

Нагрудное украшение Тутанхамона

Сережки, подвески и нагрудные украшения Тутанхамона поражают разнообразием красок, не отмеченным в более ранние периоды. Изображенное на рисунке подвесное украшение типично. Оно лучше смотрится, чем прочие украшения, хотя и перегружено деталями. Конечно, я не могу передать на своем рисунке блеск подвески, восхитительную игру цвета и великолепие общего орнамента. По этому наброску нельзя судить о мастерстве древнеегипетских ювелиров, но читатель может, по крайней мере, получить представление о внешнем виде подвески, не отвлекаясь на прочие ее особенности. Пусть дизайн несколько замысловат, но столь же замысловатые вещи обнаружены и в гробницах Двенадцатой династии. Некоторые принадлежавшие царевнам нагрудные украшения, кажется, включают все на свете – за исключением разве что кухонной лохани. И некоторые ювелирные украшения Тутанхамона весьма выгодно отличаются от довольно простых украшений более ранних времен. Ножны кинжала Тутанхамона можно назвать исключительно красивыми по любым меркам; то же можно сказать и о некоторых из его колец и об одной из его диадем. Утяжеленный дизайн подвесок и нагрудного знака с лихвой компенсируется мастерством ювелира и разнообразием цвета и материала. Цвета могут показаться читателю чересчур яркими, когда

мы их описываем – темно-синий лазурит, оранжево-красный карнелиан, бирюза, красный гранат, зеленый полевой шпат, – но все это удивительно гармонично сочетается, особенно благодаря тонким золотым полоскам, разделяющим камни. По всей видимости, сравнивать украшения Двенадцатой и Восемнадцатой династий нет смысла. Могу сказать по этому поводу, что я хотела бы любоваться украшениями Тутанхамона, но предпочла бы носить украшения принцессы Хнумит – если, конечно, я могла бы позволить себе такое.

Короны царей:

а – Красная корона; *б* – Белая корона; *в* – Двойная корона; *г* – Синяя (боевая) корона; *д* – головной убор «немсет»; *е* – головной убор «афнет»; *ж* – корона «атеф»

Хотя Тутанхамон и царевны оставили нам несколько диадем – или простых корон, – ни одна из официальных корон, которые мы видели на изображениях, до наших дней не дошла. Царь носил либо высокую Белую корону, либо похожую на корзину Красную корону, либо корону, в которой были объединены обе предыдущие. Синяя (боевая) корона, возможно, первоначально представляла собой боевой шлем. Корона «атеф» очень замысловата, выглядит тяжелой, носить ее на голове было явно нелегко. Для неофициальных случаев у царя имелся полотняный головной убор, напоминающий женский платок, концы которого, однако, завязывались не у подбородка, а на затылке. Короны цариц были столь же замысловаты, хотя и о них мы можем судить лишь по барельефам и статуям. Высокая Синяя корона Нефертити хорошо известна по скульптурному портрету; царица предпочитала именно этот тип, поскольку он закрывал волосы (у меня возникало подозрение, не было ли у нее каких-либо

проблем с волосами), но подобный тип головного убора для цариц, вообще говоря, не характерен. Наибольшее распространение имела корона в виде стервятника, изготовленная из золота и выложенная кусочками цветных камней в удивительной технике, которая похожа на перегородчатую эмаль. На вершине короны могли быть высокие перья и лунный диск богини Хатхор, отлитый из золота. Были и другие короны, некоторые настолько сложные, что можно только удивляться, как хрупкая женская шея могла выносить их тяжесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.